18+

Татьяна Дегтярева

Верные спутники моей жизни

Татьяна Дегтярева

Верные спутники моей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64697286
ISBN 9785005146588

Аннотация

В книге автор рассматривает творчество местных писателей-современников (Оренбуржье) и размышляет вместе с ними о культурно-исторических вопросах развития России в разных исторических периодах.

Содержание

Немного об авторе	5
Вступление	7
О повести Виктора Петровича Астафьева «Пастух и пастушка»	9
О романе Юрия Васильевича Бондарева «Берег»	28
О книге Владимира Васильевича Карпова «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира»	52
Золотник неразгаданный	60
Об оренбургских писателях	78
Журналу «Гостиный Дворъ» – 25 лет!»	79
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Верные спутники моей жизни Татьяна Дегтярева

© Татьяна Дегтярева, 2021
ISBN 978-5-0051-4658-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Верные спутники моей жизни

Памяти дорогой сестры Анны посвящаю

Немного об авторе

Автор представленных в этой книге литературоведческих очерков не является критиком. Она – неравнодушный к талантливому литературному слову обозреватель, который ценит творчество каждого, о ком пишет. Хорошо понимая, что каким бы объективным и точным ни было видение того или иного произведения, оно только силуэт, контур того, что талантливое произведение собой представляет. Даже приличный обзор – это только ориентир в мире литературы, но не она сама, и потому цель таких работ автора, – поделившись впечатлением, обратить внимание на то, что взволновало.

В своей многолетней библиотечной работе Татьяна Дегтярева стремилась возможно полнее раскрыть этическое и эстетическое видение творчества того или иного автора, по движению сердца отдавая предпочтение оренбургским писателям.

В одном из писем дочери Фёдор Тютчев заметил: «… в сущности, лишь в самые первые минуты ощущается поэтическая сторона всякой местности. То, что древние именовали гением места, показывается вам лишь при вашем прибытии, чтобы приветствовать вас и тотчас же исчезнуть…». Каждый раз, рассматривая проблематику творчества того или иного автора, Татьяна Дегтярёва не забывает исследо-

вать

и это соответствие художника слова «гению места» своей родины.

Татьяна Михайловна Дегтярева – постоянный автор литературно-художественного и общественно-политического журнала писателей России «Гостиный Дворъ». В 2011 году за свою работу о С. Т. Аксакове «Зорко одно лишь сердце» она получила звание лауреата литературной премии имени Валериана Правдухина.

Оренбургский поэт и литературовед
Валерий Кузнецов
12 июня 2020 года

«Русская вера во всемогущество слова, которое сказанное миру, за Богом, не пропадет, взойдет, как посеянное зерно, и непременно принесёт свой долгожданный, трудом души востребованный плод».
Петр Краснов

Вступление

В потоке многотрудных государственных задач, стоящих сегодня перед Отечеством нашим, считаю первостепенно значимой задачу всевозможной защиты подлинной (отстаивающей традиции русской классики) культуры и прежде всего – честного российского писательства.

Да, без экономического и военного могущества мы никуда. Но куда мы без сознательного, духовно укорененного человека, без его четкой гражданской позиции? Куда мы без веры в нерушимость нравственных основ жизни, безблагодарной памяти о своем прошлом, из которой и вырастает любовь к нашей малой и великой Родине? И куда мы без осознания того, что успех страны зависит, «не от провозглашенных идей, а от людей» (Питер Брук), и потому не экономика как таковая, а прежде всего личность, духовный уровень граждан, создающих и экономические, и всякие другие блага общества, – источник нашей государственной силы.

Но что прежде всего форми [рует личность? Что помогает человеку, особенно юному, ощутить себя наследником культурно-исторической традиции, осознать историческую роль России и свою причастность к ней? Конечно, книга честного и талантливого писателя. Задуматься над произведениями таких писателей – значит всерьез задуматься о судьбе России, ее народа и с отрадой ощутить тепло высокого родства

многих поколений наших соотечественников, их связанные с нами светлые надежды.

И своими небольшими литературными работами я хочу хоть в какой-то степени обратить внимание на вышесказанное, напомнив слова Николая Бердяева: «Не в политике и экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности…».

Первое слово о классиках.

О повести Виктора Петровича Астафьева «Пастух и пастушка»

«Наказание талантом – это, прежде всего взятие всякой боли на себя, десятикратное, а, может быть, миллионнократное (кто сочтет, взвесит) страдание за всех и вся».
Виктор Астафьев

Как жаль, что зачастую не успеваем мы вовремя сказать человеку доброе о нём. Вот и у меня часто не получалось это – сказать вовремя. Но ведь кому и сказать. И как найти те самые, не общего выражения слова, которыми хоть как-то могла обозначить я свое отношение к тому, что значит для меня это имя – Виктор Петрович Астафьев.

Среди многих авторов, даривших мне удивительные мгновенья радости и боли, счастья и муки, имя Виктора Петровича Астафьева стоит в их первом ряду и светит своим особым, всегда тревожащим душу светом. Наполненное блеском самобытного таланта, глубокой мыслью, горячим сочувствием ко всему, о чём пишет, творчество Астафьева погружает нас в особое пространство русского миропонимания и мироощущения, каким оно было в середине 20-го столетия. Произведения писателя – это, одной стороны – задушевная песнь земле и людям, которые его взрастили, с дру-

гой – горестно тревожное раздумье о судьбе русского человека, прошедшего через невиданную доселе войну. Перелистываешь страницу за страницей и не перестаешь удивляться пристальности авторского взгляда на вещи, глубине сердечного чувства и великолепному такту, с которым это каждый раз выражено.

Своим словом писатель так касается самых тонких струн души, что, потрясенная, она то замирает, то вдруг взлетает ввысь, и ты каждый раз не умеешь объяснить, вследствие чего открываются в твоем сердце сокровенные глубины. И одно из блестящих подтверждений этому повесть писателя «Пастух и пастушка».

Уже вступление к ней выхватывает тебя из дня насущного и вместе с сухим неласковым ветром несёт по пыльной удушливой степи к ногам с трудом бредущей женщины. Ты не знаешь, кто она, что она, но почти сразу тебя пронизывает и насквозь потрясает созданная словом мастера мелодия Мелодия эта в разных вариациях, с разной силой и многообразием оттенков звучит из произведения в произведение писателя. Острой тонкой иглой она пронизывает сознание, будоражит наше благополучие, выставляя суровый счет дню сегодняшнему. *«беспредельной, вечной, всегда заново переживаемой, никогда и никем до конца не испитой и неразгаданной человеческой печали».*

Не случаен и подзаголовок к повести – «современная пастораль». В словаре Т. Ф. Ефремовой читаем: «Пастораль –

произведение искусства или его часть идиллически изображающее сцены сельской и пастушеской жизни». Повесть Астафьева – это пастораль войны, произведение о невозможности какой бы то ни было идиллии в нечеловеческих условиях невероятной той войны, то есть это антипастораль.

Говорить горькую, иногда невероятную правду о войне и о человеке на войне не просто трудно, но мучительно и требует огромного мужества и неумолкающей совести. «Писательство – это бремя, взваленное на человека его талантом», – однажды напишет Астафьев и ни разу не попытается это свое бремя уменьшить, а тем более отказаться от него.

Читаешь и ещё раз убеждаешься, что личный опыт участника войны ничем заменить нельзя. Потому как ничем не заменить ощущаемое за каждой строкой взволнованное биение большого, много пережившего и навсегда пораженного невиданными испытаниями сердца. Воплощенная в нестандартном астафьевском слове, повесть писателя превращаетсяв неповторимое историческое свидетельство бесценной силы и правды.

Российский политолог и публицист Ксения Мяло в одной из своих работ пишет «… – это не перечень событий и даже не сколь угодно фундаментальные и добросовестные исследования этих событий, это, прежде всего , как и каждого из составляющих его людей». А что есть творчество большого и честного художника, как не такой, всегда уникальный душевный опыт. *история душевный опыт всего народа*

В основе сюжета повести «Пастух и пастушка» история военной судьбы бойцов пехотного взвода. Пехотинцы – главный локомотив войны, и, как известно, они первыми принимали на себя самый тяжкий удар сражения, почти всегда определяя его исход. Повесть Астафьева о том, какими бывали такие удары и как их выдержали советские бойцы.

«Пастух и пастушка» – это и сердечный поклон писателя-фронтовика своим собратьям по оружию, и, несомненно, одно из самых честных и талантливо запечатленных свидетельств того, каким был советский человек 40-ых годов.

Кажется, уж сколько копий сломано в спорах о том, хорош или плох был социализм и всё то, что стояло за аббревиатурой «СССР». Но что бы там и как бы ни говорилось, неоспоримо одно: победа в великой войне, спасшей мир от фашизма, стала возможна в первую очередь благодаря исключительности людей той во всех отношениях необыкновенной эпохи. В одной из своих публикаций белорусская писательница Светлана Алексиевич, известная беспощадной честностью своих произведений, заметила: «… в те годы – 40-е, 50-е существовал на земле . Не будет больше никогда таких людей!». *уникальный советский человек*

При всей неоднозначности определений трудно, особенно людям, соприкоснувшимся с тем временем, с этим не согласиться и опровергнуть тот факт, что был, был (!) в нашей российской истории точнее, удивительное поколение советских людей, взращенных уникальными (!) советскими учи-

телями. Воспитанное в духе лучших традиций своего народа, пропитанное романтикой героического и трудового энтузиазма и непререкаемой верой в то, что в их стране совершается строительство самой справедливой жизни на земле, это было поколение замечательных бессребреников. Не щадя себя, такие люди совершали всё возможное и в мирной жизни, и на войне. *уникальный советский человек,*

Астафьев, как редко кто, смог убедительно показать эту уникальность времени и человека и эти утерянные сегодня открытость, простодушие, ясность веры и не колеблющуюся совесть. Талант объяснить невозможно, как не объяснить, из каких «кирпичиков» вдруг складывается у писателя та или иная картина, завораживающая своей убедительной неповторимостью. И снова дивишься чуду того, как личность писателя и его творческий дар переплавлены в талантливом творении. И чем выше художественное мастерство, тем сложнее о нём сказать. Самобытность, естественность, непафосность слова, сердечная теплота чувства, мысли, образа, который не надуман, а прямо взят из самой гущи народной – вот что прежде всего так подкупает в творчествеписателя.

Как живые, встают перед глазами читателя герои повести. Замкомвзвода старшина Мохнаковчеловек сложный, противоречивый, в нём ни тени суетности или показной бравады. Он будто и не воюет, а каждый раз спокойно, почти хладнокровно выполняет встающую перед ним новую задачу. И его

жесткий и верный расчет не раз спасает положение в самых рискованных ситуациях. Грубоватый, прямолинейный, он, тем не менее, вызывает невольное уважение своей внутренней силой и проницательностью. С одной стороны, Мохнаков – воплощение той дельной практической смекалки, без присутствия которой невозможна была бы никакая победа. С другой, при несомненных достоинствах, он нравственно уступает своему молодому командиру. Война ожесточила, сделала цинично презрительным одного и высветила высоту нравственной планки другого. Мохнаков как-то уверился, что война всё спишет, что всё можно: можно бесстрастно драть золотые зубы у убитых, можно взять женщину по праву силы. –

Его командир Борис Костяев не сомневается: человек должен оставаться человеком в любых обстоятельствах, и отстаивает такое свое понимание в самых непростых для себя обстоятельствах.

С большой авторской симпатией представлены в повести веселые и неразлучные алтайские друзья Карышев и Малышев. Основательные, надежные и в то же время озорные, они были не заменимы ни в одном деле, которое выпадало совершить их подразделению.

Взводный философ Корней Аркадьевич Ланцов. В рассуждениях этого умного и добротно образованного человека неизменная глубокая оценка всего происходящего. Всё его внутреннее существо сопротивляется происходящему.

«Варварство! Идиотство! Дичь!… Глухой Бетховен для светлых душ творил, фюрер под его музыку заставил маршировать своих пустоголовых убийц. Нищий Рембрандт кровью своей писал бессмертные картины! Геринг их уворовал. Когда припрет – он их в печку… И откуда это? Чем гениальнее произведение искусства, тем сильнее тянутся к нему головорезы!».

Каждый раз удивляет неожиданное и всегда такое точное слово или определение Астафьева, например, «Шкалик». Словно и не было имени у этого совсем ещё мальчика – просто Шкалик, и всё понятно. Случайно заброшенный в военное пекло, трогательный и забавный в своём желании быть, как взрослые, он так или иначе и в тяжелейших обстоятельствах старается держать марку полноценного бойца.

Теплыми красками подан в повести и командир роты Филькин, смелый, честный и бескомпромиссный боевой офицер, приказы которого не обсуждались: «У меня чтоб через час всё на исходных были! И никаких соплей! Бить фрица, чтоб у него зубы крошились! Чтобы охота воевать отпала…».

[Был во взводе и некий кум-пожарник «прицепистый, недовольный оттого, что с хорошей службы слетел». Его не любили. И, как оказалось, неслучайно. Он почти и не скрывает, что в довоенном прошлом был образцом «сознательности», попросту доносчиком. Через Пафнутьева автором выведен образ тех блюстителей «порядка», которые

и на войне находили применение своим нечистоплотным способностям.

На страницах, посвященных бою, нельзя не заметить и эпизодически появлявшуюся медсестру. Перемерзшая, с распухшими веками, багровыми щеками, «словно бы присыпанными отрубями», с потресканной кожей. Некрасивая. Но сколько за этим неприглядным лицом непоказного мужества и редкой отваги. И так ощутима боль и мужская сокрушенность за словами автора об этой девушке.

И, наконец, главный герой повести, командир взвода Борис Костяев, 19-летний, но такой ответственный в своих поступках, такой внимательный к каждому своему бойцу. Сын скромных школьных учителей из Сибири, представителей той самой уникальной когорты подвижников нравственности, для которых «родина», «честь», «долг» – их религия, основа их духовного императива. В таком же духе нравственного стоицизма растили они своих учеников и прежде всего собственного сына, единственного, поздно рожденного, долгожданного. Его не жалели, закаляли и тело, и дух, учили быть готовым ко всякого рода трудностям. Но ни в каких самых страшных снах не привиделось бы этим честным и чистым людям, какое испытание выпадет на долю их сына.

«Из круговерти снега, из пламени взрывов, из-под клубящихся дымов, из комьев земли, из охающего, ревущего, с треском рвущего земную и небесную высь, где, казалось, не было и не могло уже быть ничего живого, возникла и пока-

тилась на траншею темная масса из людей. С кашлем, с криком, с визгом хлынула на траншеи эта масса, провалилась, забурлила, заплескалась, смывая разъяренными отчаяньем гибели волнами всё сущее вокруг.

Оголодалые, деморализованные окружением и стужею, немцы лезли вперед безумно, слепо. Их быстро прикончили штыками и лопатами.

Но за первой волной накатилась другая, третья. Всё перемешалось в ночи: рев, стрельба, матюки, крик раненых, дрожь земли, с визгом откаты пушек, которые били теперь и по своим, и по немцам, не разбирая – кто где. Да и разобрать уже ничего было нельзя»…

И это только малая часть только одного боя. А Борис – командир взвода. Ни на минуту он не может забыть, что за ним люди, что за всё отвечает, что он должен вести. И он ведёт.

Послебатальные картины, открывшиеся лейтенанту, ещё более поражают воображение: трупы, горы перемешанных с землёй и снегом передавленных своих и немецких тел, искореженные танки, поедаемые вороньем убитые лошади, замерзающий в снегу обезноженный и завшивленный немец, просящий о помощи. И каждое событие дня тяжким толчком отзывается в сердце молодого командира.

Борис готов поклониться в ноги старым солдатам, не первый год терпеливо делающим своё невероятное дело. Ему до боли жаль замерзшую, вымученную неженской работой медсестру. Тоской сжимается его сердце при виде голод-

ной, одичавшей овчарки, навсегда оставшейся без хозяина на чужой земле. Он потрясен гибелью двух стариков, пастуха и пастушки, всю жизнь занимавшихся самым мирным на земле делом, и безжалостно расстрелянных слепым огнем артиллерии. Вся эта невероятная явь войны, не вмешается в сознание, распирает душу.

Надо было не единожды побывать в таком побоище, не единожды повариться в его адовом котле, надо было всё пропустить через голову и сердце, не свихнуться и написать так, как написал Астафьев.

И потому вовсе не случаен эпиграф к главе «Бой»: «Есть упоение в бою!» – какие красивые и устарелые слова».

Почему «красивые и устарелые»? Может быть, потому, что вполне благополучные герои Пушкина из его маленькой трагедии «Пир во время чумы» произносят слова «об упоении» под хмельком в минуты предполагаемой, но ещё не случившейся беды. Набегающая туча ещё не обрушилась на них своим черным дождем, не лишила молодого задора попробовать настоящую силу чумы, и испытывать это самое упоение (этакий адреналин в крови), не размыла человеческое представление о человеке. Их желания были, что называется, только сытыми желаниями сытых людей.

Вот почему бойцы Астафьева, хлебнувшие военной чумы с лихвой, считают слова пушкинских героев всего лишь красивыми словами. И в повести «Пастух и пастушка», с её предельно жесткой честностью подачи событий не находится

хоть малого местечка для того, что называется «упоением» или «идиллией».

«На смерть, как на солнце, во все глаза не поглядишь…», – слышал как-то Борис. Повесть Астафьева как раз о том, что война поневоле заставляла смотреть и видеть то, что нормальному человеку видеть просто не по силам.

И потому, когда после тяжелейшего боя едва отдохнувшие бойцы без проявления какого бы то ни было неудовольствия, с шутками и благодарной лаской к хозяйке садятся по приказу в машины, чтобы ехать к новому месту боев, и снова идти «…в крови и пламени, в пороховом дыму», хочется, как и Люся, всех их обнять и всем поклониться в пояс. Сам Астафьев точно определил чувство, с которым писал о солдатах войны: «Тема войны – вечная тема, и хочется, чтобы писалось трепетно, с болью и святым уважением к тем людям, с которыми воевал».

Трепетное отношение писателя к солдату ощущаем мы и на страницах, не имеющих прямого отношения к сюжетной линии повести. Это своего рода отступление писателя, но совсем не лирическое, как это принято, а суровое, при этом почти молитвенное слово автора о том, какое это невероятное дело – быть солдатом на страшной войне.

«…Ползет солдат туда, где обжит им уголок окопа. Короток был путь от него навстречу пуле или осколку, долог путь обратный. Ползет, облизывая ссохшиеся губы, зажав булькающую рану, под ребром, и облегчить себя ничем не мо-

жет, даже матюком. Никакой ругани, никакого богохульства позволить себе сейчас солдат не может – он между жизнью и смертью. Какова нить, их связующая? Может, она так тонка, что оборвется от худого слова. Ни-ни! Ни боже мой! Солдат разом сделается суеверен. Солдат даже заискивающе-просительным сделается: «Боженька, миленький! Помоги мне! Помоги, а? Никогда в тебя больше материться не буду!».

И вот он, окоп. Родимый. Скатись и него, скатись, солдат, не робей! Будет очень больно, молонья сверкнет в глазах, ровно оглоушит тебя кто-то поленом по башке. Но это своя боль. Что ж ты хотел, чтобы при ранении и никакой боли? Ишь ты какой, немазаный-сухой!.. Война ведь война, брат, беспощадная…».

И без этого, сердечно-горестного, выстраданного слова о простом солдате-пехотинце не было бы полноты впечатления того, что была та великая война без прикрас.

Слово «пастораль» первоначально обозначало ещё и противопоставление развращенному городу нравственно чистой деревни. В повести Астафьева это противопоставление войны и мира, низости и высоты, ненависти и любви. Чувство, пришедшее к главным героям такое, казалось бы, естественное в обычной жизни, в сложившихся обстоятельствах кажется нереальным.

Оно так несовместимо со всем, что происходит вокруг, так ничем не защищено, что становится страшно.

Как щедрый подарок судьбы воспринимает встречу с Борисом уже обожженная войной, много всего перевидавшая девушка Люся. И потому всё никак не может она понять, откуда возник на её пути этот чистый и светлый мальчик. Но вот Борис читает ей письмо своей матери, и Люся понимает, откуда.

На первый взгляд, письмо это – спокойный рассказ о нехитром её житьё-бытьё, об отце Бориса, о русском достоинстве, о долге и чести.

Но за пытающимися быть спокойными строчками сдерживаемая напряжением всех усилий страшная материнская тоска. Всё в этом письме кричит, всё взывает: сыночек мой, как я боюсь за тебя и как я тоскую! Как хотела бы я оказаться рядом и закрыть тебя ото всех бед! Но она не может позволить себе даже намекнуть на то, как ей тяжело. Она должна всё выдержать , чтобы он выдержал . Всё её письмо – образец материнской любви. *здесь там*

В повести «Пастух и пастушка» удивительное, каждой клеточкой сознания прочувствованное писателем горе матери, пославшей на войну своего единственного сына, и такая непримиримость к роковой невозможности матерей поступить иначе.

«…Матери, матери! Зачем вы покорились дикой человеческой памяти и примирились с насилием и смертью? Ведь больше всех, мужественнее всех страдаете вы в своём первобытном одиночестве, в своей священной и звериной тоске

по детям. Нельзя же тысячи лет очищаться страданием и надеяться на чудо…».

Без скидки на впечатлительного читателя подан в повести и исход взвода Бориса Костяева.

Так же просто и честно, как и всё, что этот человек делал в своей жизни, погибает от шальной пули Карышев.

Одев чистое белье, ещё раз спокойно всё рассчитав, бросается с миной под вражеский танк старшина Мохнаков, без пафоса и надрыва совершая свое последнее дело на войне.

Бесследно исчезает Корней Аркадьевич Ланцов, как исчезали иногда умные, много понимавшие люди.

А как жаль бедного Шкалика, которому, кажется, наконец, повезло (он пристроен в госпитале) и который вдруг так нелепо, так ужасно подрывается на мине.

Но совершенно сокрушает читателя судьба главного героя. При всём том, что этот юноша так мужественно, так достойно сумел перенести все тяготы, все выпавшие на его долю удары войны, не на йоту не растеряв свой нравственный состав, судьба его не стала судьбой героя в стандартном, общепринятом понимании этого слова. Он не сражен на поле боя со знаменем в руке, с призывом: «За Родину!» «За Сталина!».

Ему не выпало заслуженных орденов, славы, салютов. Умереть как-то вдруг, как бы совсем неожиданно – как это невероятно и как ужасно несправедливо. И вместе с санитаркой Ариной сокрушаешься: как же так: «Такое легкое ра-

нение, а он умер». Почему?

Повесть Астафьева – произведение не только о собственно войне (как оно там всё было), а и о том, что то, что несёт с собой война, абсолютно несовместимо с нормальным представлением о человеческой жизни и о человеке. Взводный «философ» Ланцов так говорит об этом: «…неужели такое кровопролитие ничему не научит людей? Эта война должна быть последней! Или люди недостойны называться людьми! Недостойны жить на земле! Недостойны пользоваться её дарами, жрать хлеб, картошку, мясо, рыбу, коптить небо».

Война расчеловечивает человека. И чем тоньше его внутренняя организация, тем ему сложнее и тем вернее он гибнет. Ведь взять только взвод Бориса Костяева. Все погибли, все, кроме, может (если очень повезет), Малышева и приспособленца Пафнутьева.

Борис Костяев, вне всяких сомнений, представитель лучшей когорты своего поколения. Он и есть образчик того уникального советского человека, о котором писала Светлана Алексиевич. И тем нестерпимее читателю принять горькую правду о его смерти и захоронении. Но Астафьев с его упорным чувством справедливости, с его талантом истинного русского писателя «взятия всякой боли на себя» не щадит читателя и вопреки нашему ожиданию достойного завершения достойной жизни, заставляет увидеть и принять то, что принять сердцем невозможно. Повесть «Пастух и пастушка» – это произведение о том, что были на той войне и вот

такие, как Борис, не только не умевшие, но и не желавшие сохраниться любой ценой. Отдав войне все, что только могли, они легли в землю, никому не известные и никем не прославленные. И война эта справедливо называется Великой прежде всего потому, что неопределимо велика была цена, заплаченная за победу.

По известному поверью, «на миру и смерть красна». Борису не досталось и этой малости. Вскипает читательское сердце, что даже похоронен он не как заслуженный воин, а вынужден одиноко покоиться далеко от дома в забытой богом глухой степи, обласканный разве только степными травами. И вот ведь мука: как бы никто в случившемся и не виноват. Так ли это? Или на войне как на войне?…

Ещё до настоящего знакомства с Люсей измученный физически и внутренне опустошенный чудовищным потоком невероятных зрелищ, Борис, может быть, впервые почувствовал, что теряет желание жить.

«Дрема накатывает, костенит холодом тело взводного. Чувство гнетущего, нелегкого покоя наваливается на него. Не познанная ещё, вялая мысль о смерти начинает червяком шевелиться в голове, и не пугает, наоборот, как бы пробуждает любопытство внезапной простоты своей: вот так бы заснуть в безвестном местечке, в чьей-то безвестной хате и ото всего отрешиться. Разом… незаметно и навсегда…».

Да, Борис Костяев умирает не от ран. Взращенному для самого достойного поприща юноше, выпадает на долю непо-

сильная для чистой души ноша бытия… Весна, до которой дожил Борис, – время пробуждения сил, время надежд. И надорванная душа его, пытается как-то приспособиться к новым обстоятельствам, как-то устояться, хотя бы согреться. Но вот очередной обход врача и его вердикт: «– Подзадержались вы у нас, подзадержались».

«Борис уловил в голосе врача неприязнь и плохо спрятанное подозрение. Послышалось угодливое хихиканье той самой санитарки коротконогой, что искала повариху Люсю».

«– У нас тут не курорт, у нас санбат! У нас каждое место на счету… – напористо заговорила старшая сестра, святоликая женщина с милосердными глазами, так опрометчиво определившая лейтенанту две недели на излечение, а он вот не оправдал её надежд, лежит и лежит себе».

Жестокое слово, подлое: взвесил ли кто-нибудь хоть однажды его страшную, подчас убийственную силу. Услышанное же от человека, призванного сострадать, слово такое если и не убило, то добило. Горит сердце писателя от такого немилосердного милосердия.

«Распятый на казенной койке ран больной Костяев Борис беспомощно и жалко улыбался. На его глазах однажды сибирский веселый пареван добивал гаечным ключом подраненную утку. Борису даже почудилось, что он слышит тупой, смягченный пером удар железа по хрусткому птичьему черепу».

Всякая зацепка за жизнь истаивает в Борисе, утрачивается

главный человеческий инстинкт – хотеть жить. «Жажда жизни, – пишет автор, – рождает неслыханную стойкость – человек может перебороть неволю, голод, увечье, смерть, поднять тяжесть выше сил своих. Но если её нет, тогда все, тогда, значит, остался от человека мешок с костями».

Надорванная душа лейтенанта не принимает открывшейся ему правды о мире, в котором герой в сложившихся обстоятельствах не видит места милосердию, пастухам и пастушкам, любви и сиреневой музыке. И хотя эвакуированного лейтенанта санпоезд мчит по весенней степи к дому, и хотя бурлящая мирная жизнь за окном, никакой связи с этой жизнью он уже не чувствуетИ потому уходит. .

Такая вот история русского воина, честная и почти невыносимая в своей предельной жесткости. И когда переустроители сегодняшнего мира пытаются умалить роль России и русского солдата во второй мировой войне, хочется напомнить им, что есть неоспоримые и ничем не устранимые уже свидетельства их подлости и лжи. Есть они, к счастью, и в совестливой русской литературе. И творчество Виктора Петровича Астафьева – один из ярких примеров такого правдосбережения о великой войне и о русском человеке.

P.S. Удивительна сила подлинного искусства слова. Повесть прочитана, поставлена на полку книга, а герои её продолжают жить в сердце. Слышишь их голоса, видишь их лица, тревожные, вопрошающие: мы вот как, а вы …?

«Ах, если б память отпустила,
Я рассказал бы вам о том,
Как время мальчика растило
В своём неведенье святом,
Как набирало силу время,
Как оглашало свой восход,
Не ведая, какое бремя
На плечи мальчика кладет,
Какую истовую веру
Проверило на боль и страх
В тридцать седьмом
И сорок первом,
Неприкасаемых годах.
Какой ценой азы надежды
Питомец времени постиг
И в дни мечтаний безмятежных,
И в дни решений непростых…»

В. Поляков

О романе Юрия Васильевича Бондарева «Берег»

«Он оставил нас со своими книгами, исполненными великой надеждой,

что мы одолеем всё-таки выпавшие нам новые исторические испытания,

как он сам, как его поколение героически вынесло неимоверную

тяжесть самой разрушительной и жестокой в мировой истории войны»

П. Н. Краснов

С чувством особого волнения приступаю я к разговору о романе Юрия Васильевича Бондарева «Берег».

Перечитывая произведение через много лет, радостно обнаружила, что оно не только не утратило всепоглощающего воздействия на читателя, а словно ещё более поднялось в своей творческой и содержательной мощи.

В переживаемом нами времени беспринципной размытости культурно-нравственных ориентиров роман нашего выдающегося земляка Юрия Васильевича Бондарева видится величественным литературным маяком, излучающим чудный свет ничем не замутненной истины, мужественной правды, долга и чести.

Несмотря на то, что в романе почти нет больших военных действий, центральное и всё определяющее его событие – война. Она – главная точка отсчета и главная мера всего, происходящего в романе. Её страшный, холодящий душу лик предстает перед читателем с первых строк воспоминаний главного героя.

«Четыре долгих года набирая сумасшедшую скорость, поезд войны ворвался в Германию, как бы вонзаясь раскаленными колесами в каменный тупик огромного поверженного Берлина, торчащего из горячей земли мрачными скалами обгрызанных бомбежками домов с чернеющими глазницами окон, наглухо закрытыми подъездами, где мертво остановились лифты, где на площадках лестниц не пахло из затихших квартир немецкими супами и не слышно было ни шагов, ни стука дверей, ни обыденно приветливых голосов раскланивающихся в подъезде соседей, ни этих вежливых „данке шен“, „битте зер“ – везде стыла сумеречная тишина пустыни, без единого во всем городе выстрела. Последняя оборона Берлина – рейхсканцелярия и рейхстаг пали. Всё было кончено».

Роман «Берег» погружает читателя в то полное волнующим напряжением время, когда «…весь цветущий и поющий в сердце май» 1945-го года уже начался, но окончательная точка в войне ещё не поставлена. А остававшийся и такой, в сущности, коротенький путь до нее оказался для главных героев романа временем настоящего испытания.

Никак не ожидавшаяся атака немцев в тылу вынуждает к бессмысленному уже бою воинское подразделение, вверенное главным героям романа, молодым офицерам Андрею Княжко и Вадиму Никитину. Этот бой, отмеченный крайней предгибельной жестокостью немцев, вмещает в себя всю неимоверную тяжесть войны, весь ужас ее нечеловеческого напряжения и ежеминутного невероятного риска. Словно в фильме ужасоввстает перед глазами созданная мастерским словом писателя и кажущаяся невероятной картина поистине безумия человеческого.

«В течение нескольких минут всё исчезло, всё утратило реальность – горячий пот тек по воспаленному лицу Никитина, глаза слезились от огненных толчков пороховых газов, брызжущих жаром осколков над щитом незащищенного землёй орудия, и было ощущение железно порхающей в накаленном воздухе смерти, а она звенела ангельскими голосами, гремела, мстительно взвизгивала, в жадном поиске твердого тела наугад мокро врезалась в стволы сосен, топориками срубала ветви, вспарывала землю, вздыбливала асфальт шоссе, осыпая его разрушенную плоть на потные спины ещё живых солдат, зачем-то тоже с одержимой ненавистью посылавших смерть наугад, как если бы в этом был весь смысл существования на земле. И немецкие самоходки, и наши орудия, потеряв пространство, расстояние, видимость цели, стреляли, будто окончательно лишенные зрения, и ожидание слепого осколка и чувство, подобное буйному безумству рукопаш-

ной схватки впотьмах, которую ничем нельзя было остановить, охватывало Никитина нервной дрожью бессилия, страха и бешенства».

Как и многие произведения писателей-фронтовиков, роман Юрия Бондарева «Берег» – это в первую очередь дань памяти тем, кто множество дней и ночей нес это ни с каким другим не сравнимое бремя – быть солдатом на страшной войне. А кто, как не человек, сам много раз смотревший смерти в лицо и обладающий при этом редким даром художника, может лучше всего рассказать об этом. Подчеркивая бесценность личного душевного опыта, вынесенного из войны каждым её участником, автор романа напишет: «Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, со скрупулёзной точностью подсчитывают историки. Да, они подсчитывают количество потерь, определят вехи Времени. Но они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слёзы в глазах восемнадцатилетней девушки-санинструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулемётной очереди, убивающей жизнь».

Чем дальше отодвигает нас время от Великой Победы, тем отчетливей понимание того, что страшную силу фашизма оказалось способным одолеть именно то, взращенное советским временем, пропитанное его идеалами неповторимое поколение людей. Поистине, уникальное племя челове-

ческое, взращенное удивительными учителями!

Это они, учителя того времени, не просто давали знания, но, веря в своё высокое назначение, воспитывали у учащихся любовь к Родине, формировали понятия долга и чести, заражали детей образами возвышенной русской классики. Будущих воинов воспитывало и само время, весь состав той жизни, самый ее воздух, пропитанный огромной верой людей в справедливость строящегося в стране нового общества, воспитывала культурная среда того времени, направленная исключительно на подъем духовных сил человека.

Вот почему совсем не случаен в романе такой безупречный, а с позиций нынешнего времени почти нереальный лейтенант Андрей Княжко. Его нравственный императив, его абсолютная бескомпромиссность во всем, что касалось дела, поражала даже близких ему людей.Из короткого письма Андрея, чуть приоткрывающего завесу его личности, узнаем мы, как благоговел он именно перед образом Андрея Болконского, любимого толстовского героя, человека высокого ума, долга и чести. Из этого письма понимает читатель, откуда и его холодность, даже суровость отношения к прекрасной Галине: очарованный тургеневскими девушками, этот молодой офицер не хотел, не считал для себя возможным унижать глубокие чувства чем-то недостойным и мелким в быстро меняющемся военном быте. Ходульное «война всё спишет» было абсолютно не для человека с таким неколебимой нравственной установкой. Думается, таких, как Княжко,

и тогда было немного, и, конечно, такие мало сохранялись, погибая в первую очередь. Но все-таки такие, к счастью, были. Они заражали своим примером, поднимали дух, и, подобно горьковскому Данко, вели за собой.

И неслучайно, что друг Андрея Княжко – Вадим Никитин, такой же честный, целеустремленный и надежный офицер. В нём нет стопроцентной сдержанности и непреклонности Княжко, он мягче и в чём-то гибче своего товарища, которого, тем не менее, считает высшим для себя авторитетом. Всегда, даже в самых острых, самых жестких и непредвиденных обстоятельствах оставаться человеком – вот принцип, которым руководствуются главные герои романа. Но в условиях войны обстоятельства практически всегда и жесткие, и непредвиденные.

События в Кениксдорфе это особенно подтверждают. Встреча с Эммой и Куртом, неожиданная атака немцев, обстрел дома с засевшими там молодчиками обнаруживают не только высокие душевные качества обоих молодых командиров, но и их великолепную военную выучку, знание дела, умение взять на себя ответственность.

Комбат Гранатуров, словно в оправдание своей фамилии, человек крупный, громкий, грубоватый, но при этом смелый и честный. Понимая, что в каких-то вещах не дотягивает до вверенных ему молодых офицеров, он тем не менее знает им цену и умеет в нужный момент обуздать своё самолюбие.

Поступить так, как поступил Княжко, выйдя безоружным

с белым платком в руке к засевшим в особняке вооруженным немецким подросткам с единственной целью – избежать напрасных теперь уже жертв, не стреляя в неумеющих воевать мальчишек, мог именно такой, как он.

«…совсем не предполагаемое и отдающее жутью действие Княжко, его приказ не продолжать неравный бой с засевшими в доме немцами, то, что казалось одной гранью правды или всей правдой, было и бессмысленным риском, и выходом из безумия, которое тем же безумным шагом своего трезвого разума хотел прекратить Княжко, не выдержав этого животного вопля немцев, вызванного двумя выстрелами орудия по окнам в упор».

«…Княжко, невысокий, узкий в талии, спокойный с виду, сам теперь похожий на мальчика, шел по поляне, размеренно и гибко ступал сапожками по траве, размахивая носовым платком. Он выкрикивал отчетливые немецкие фразы, прикладывая руку ко рту, чтобы яснее услышали его в доме. Обезумелые вопли впереди стали затухать. И видно было, как в нависшей звоном сжатой тишине возникли, появились пятна голов среди проемов нижних окон…».

Ах, как нестерпимо больно читать о гибели этого удивительного, молодого воина. И, перечитывая роман, хорошо зная его содержание, как и Никитин, всё-таки надеешься поначалу на чудо и ищешь какое-то подтверждение своей нелепой надежде. Но – не находишь… Как это мучительно несправедливо! Но как высвечивает гибель Княжко сущ-

ность каждого из окружавших его бойцов, расставляя всё по своим местам. Как страдают, строго пересматривая свои поступки, Галина и Вадим. Как возникает в Никитине мощная решимость не только сказать в глаза подлецу, что он подлец и негодяй, но и, рискуя всем в своей дальнейшей судьбе, не взвешивая для себя плюсов и минусов, а сообразуясь только с чувством справедливого негодования, захотеть убить его.

Невольно после случившегося с Княжко и с Никитиным изменяется, притихая и смягчая свои чувства накануне метавший гром и молнии эмоциональный Гранатуров.

Нельзя не задуматься и о таком герое романа, как сержант Меженин. Справедливости ради следует отметить, что в романе мы видим его как смелого, хорошо умеющего делать своё дело бойца. Он был сметливым и ловким, знал жизнь, чувствовал людей. Его заслуги в общем солдатском деле безусловны. Но при всем том этот человек никогда не забывал о своём интересе, умел пользоваться случаем, не всегда чистоплотно. Вот почему в последние дни войны так боялся он за свою жизнь, так оскорбленно негодовал по поводу «излишних, карьеристских», как ему представлялось, намерений своих командиров.

Напряжения последнего ожидания скорой победы сержант Меженин не выдерживает, а потому в самый рискованный для всех момент со всех сторон проявляет себя подлецом. Никитину не удалось наказать его, наказала всевидя-

щая судьба.

И неслучайно именно к Никитину так прикипает попавшая в сложную ситуацию юная Эмма. Почти сразу безошибочным полудетским своим чутьем определила эта натерпевшаяся от ужасов войны девочка доброту и человеческую надежность этого русского офицера. Сразу и навсегда она назначила его в своего «рыцаря», сравнив его появление со сказкой. Любовь Эммы и Никитина короткой ослепительной вспышкой озарила происходящее вокруг, показав всю уязвимость человеческих представлений о «своих» и «чужих», всю нелепость иногда неправедно разделяющих людей законов, высветив в качестве высшего закон человеческого сердца.

И всю свою дальнейшую жизнь Эмма помнила эту короткую чудесную сказку, а может быть, волшебный сон: и когда выходила замуж, и когда у нее родилась дочь, и когда ездила с мужем в свой любимый Рим. Прошло 25 лет, но, как и прежде, мечта о том, чтобы чудо повторилось, не отпускала ставшую уже солидной и вполне успешной дамой госпожу Эмму Герберт. И невозможно без слез, без чувства бездонной горечи и сожаления читать ее отчаянную исповедь Никитину через 25 лет: «Я ждала… Я думала, что вы приедете. Знаете, о чём я молилась? Мне страшно вспомнить, о чём я думала после войны. Господи, – молилась я, – пусть снова будет война, пусть снова стреляют, пусть меня насилуют, но только чтобы вернулся русский лейтенант… чтобы прие-

хал в Кёнигсдорф, в Гамбург со своими пушками, сказал бы: «Эмма, я люблю тебя», и я ответила бы: «Я умираю без тебя…».

Настоящее искусство слова – это когда просыпаешься утром и чувствуешь, как болит от чего-то мучительно пережитого накануне сердце. От чего? И вдруг всплывают в сознании: Княжко и Галина, Никитин и Эмма. Всё произошедшее с ними так пронзает и расцарапывает сердце болью непоправимого, будто произошло это вчера и на твоих глазах. Так действует, так потрясает удивительная сила слова Юрия Бондарева.

И в который уже раз болезненно осознаешь всю губительность для каждого потенциального читателя никем, к сожалению, почему-то неотменяемую порочную, губительную для подлинной литературы практику так называемого «краткого содержания» произведения. Этими «краткими содержаниями» лучших произведений русской и советской литературы изобилует сегодня интернет. Что можно понять, как почувствовать всю глубину, сложность и неповторимость произведения подлинного мастера из такого, всегда примитивно сужающего, а по сути уничтожающего главное в произведении краткого изложения?!

Роман Юрия Бондарева «Берег» – это роман о войне и о мире после неё. И потому ещё один важнейший план этого произведения – идеологическое противостояние Запада и России. Диалог Вадима Никитина с представителями

Западной Германии на литературной встречев Гамбурге через 25 лет после войны не только не потерял своей остроты, но, удивительное дело: прошедшие после него ещё полвека делают обсуждавшиеся тогда вопросы не менее острыми и не менее актуальными.

В сущности, этот диалог-спор о самом важном: о том, каким стал мир и человек после страшной второй мировой войны и о том, чего же всем нам ждать дальше.

Сразу, что называется, берет в оборот советского писателя Никитина главный редактор солидного немецкого книжного издательства Дицман. Говоря о своих немецких соотечественниках 70-ых годов, он вроде бы и снисходительно осуждает их, и не верит, что в новых реалиях в Советском Союзе может быть иначе.

«… современные западные немцы слишком много думают о новых моделях „мерседеса“, о холодильниках и уютных загородных домиках, и у среднего немца исчезает или уже нет ни высокой духовной жизни, ни духовной веры… Прагматизм подчиняет всё. Истоки и модель – Америка. Боюсь, господин Никитин, что через несколько лет Советский Союз тоже зажрется, и у вас тоже исчезнет духовная жизнь: машина, квартира, загородный коттедж, холодильник станут богами, как на Западе. И вы постепенно забудете сороковые годы, войну, страдания…». «– Вряд ли. Хотя знаю, что нас тоже ждет испытание миром вещей».

Советский писатель 70-ых годов и не мог сказать иначе:

таких «испытаний», такого безудержно низкопробного прагматизма, который вошел в нашу жизнь, при всём том, что ответственными людьми это предполагалось, полвека назад нельзя было себе и представить. И, как ни тяжело это осознавать, но, так или иначе сбылось это, казавшееся тогда немыслимым и унизительным для народа-победителя пророчество западного идеолога. Опьяненные успехом, уставшие от войны, мы долго ещё не понимали, что нашей победы нам не простят, и так незаметно войдет в нашу жизнь то, о чём ещё в 1945 году предупреждал прославленный маршал Г. К. Жуков»: « В следующий раз они попытаются взять нас изнутри». И в определенной степени взяли. И, одурманив всеми прелестями безудержных «свобод», не гнушаясь никакой ложью, без устали насаждают желанные для себя приоритеты, чернят нашу историю, наращивают комплекс «русской вины» за всё, пытаясь не просто умалить, а перечеркнуть заслуги советского солдата, советского народа в Великой Победе 1945 года.

Говоря о вопросе веры русских в идеалы, в добро, Дицман констатирует: «…А на послевоенном Западе этой веры в идеалы нет, всё изверились в евангелическом добре и в человеке, старые боги-добродетели умерли, их нет, и нет, к примеру, уже понятия прежней семьи, любви, брака. На чём, по-вашему, держится современный мир?»

– «На ожидании и надежде, как я представляю».

– «О, понимаю! Русские мечтают держаться на двух ки-

тах – всеобщего равенства и ожидания стереотипных, равных благ для каждого, в то время как западный мир продолжает держаться на трех китах – спорте, сексе и телевизоре. И есть ещё один мерзкий китенок – политика. Хочу заметить, что этот китенок плавает и на Востоке».

Как же нестерпимо беспардонно вплыли эти «киты» секса и телевизора, с его убивающим все приличия «киномусором», в нашу нынешнюю жизнь. И хотя без «китенка» политики не обойтись, «китенок» этот, когда-то ещё малый, превратился сегодня в огромного, нечистоплотного и всем заправляющего кита.

В преддверии недавнего 100-летия Октябрьской революции 1917-го года сколько было политических дебатов о ее сущности, ее ошибках, ее роковой «напрасности». Время показало, как всё непросто, как уязвимы многие, в том числе и прямо противоположные позиции. И как они непримиримы. Но когда читаешь роман Юрия Бондарева, особенно ясно видится то, что победу Октября 1917-го года во многом определил наличествовавший тогда феномен человеческой веры, веры в возможность построения общества на справедливых (по совести) началах. Феномен, кажется, мало исследованный, недооцененный, и, наверное, смешной для прагматиков. Но, как к ней ни относись, есть в такой вере, великая, именно горы сдвигающая сила. И именно она, такая вера, выросшая из извечной человеческой потребности в справедливости, во многом формировала сознание совет-

ских людей и привела к Победе 1945-го года.

Читая роман «Берег», понимаешь, что революция стала возможной во многом потому, что многие искренние ее сторонники, как и писатель Никитин, не сомневались:

«Революция – это отрицание безнравственности и утверждение нравственности, то есть вера в человека и борьба, и, конечно, совесть, как руководство к действию».

Сегодня о социалистической «совковости» талдычат, не переставая, а вот про главный советский критерий – жизнеустройство на основах труда, совести и веры в человека-созидателя – как-то умудряются не упоминать.

Как не упоминать и о том, что без Октября 1917-го года при всей неоднозначности событий не было бы и Великой Победы 1945-го года.

Ведь, как справедливо заметил воронежский поэт Александр Нестругин:

Из веры советского писателя в справедливость строящейся жизни проистекает и его понимание добра и зла:

– «Я сказал, что веру в спасение человечества и добро можно понимать по-разному: брать злу на вооружение добро и добру – на вооружение зло. Это прекрасно знали ещё в Древнем Риме.

– «О да, о да! Такая тонкая рвущаяся грань лежит между добром и злом, в своём роде сиамские близнецы, соединяющиеся кровеносные сосуды, не так ли? И это наиболее интересная сторона внутреннего мира современного челове-

ка, зыбкость границы, – это ваш Достоевский, самое главное в его романах, которые пользуются на Западе большой популярностью. Вы об этом знаете?».

– «По-моему, главное в Достоевском – поиск истины в человеке и поиск бога в мире и в себе».

Поиском истины как высшего, именно божественного начала в человеке, занималась, как это ни парадоксально для атеистического времени, вся лучшая литература советского периода. В бога писатели наши официально вроде бы и не верили, крестами себя прилюдно не осеняли, а человека к небу поднимали.

Содержание представленной в романе дискуссии дает представление о том, как задолго до слома советской власти представители западного мира с их перешагивающей через любые преграды «свободой» готовились к тому, чтобы, настойчиво подвергая ядовитому сомнению все важнейшие составляющие русской культуры и русского самосознания, разрушать их.

– «…вы, и вся ваша литература пытаетесь сохранить старый миф о человеке, созданный ещё романтическим Шекспиром и вашим Толстым. Тот, кто у вас называется героем в жизни и литературе, в сознании западного человека оценивается совсем иначе, ваш герой в нашем понимании совсем другое».

«Совсем другое» – это, надо понимать, наивный, упертый в своей принципиальности (то есть западным сознани-

ем презираемый) идейный бессребреник, способный на самопожертвование. Не потому ли такое значение придают западные идеологи вопросу о героях, что отлично понимают, что именно такие бессребреники, как Княжко и Никитин, то есть воины, воспитанные как раз на произведениях Шекспира и Тургенева, Толстого и Достоевского, и выиграли небывало страшную войну.

Как почти не нужное и как бы отжившее для нового мира рассматривают представители Запада такие важнейшие государствообразующие понятия, как «родина», «народ», «ответственность».

«Понятия „родина“, „народ“? „Ответственность“? Они давно претерпели инфляцию! Они были использованы Гитлером в нацистских целях и дискредитировали себя! Старые понятия „отчизна“ и „долг“ теперь опять используются маленькой кучкой реваншистов! Вы плохо знаете современного западного человека, если говорите о довоенных добродетелях. У западного человека нет сейчас родины в вашем понимании! У него есть паспорт, есть формальное гражданство, только это соединяет его с государством! На немецком паспорте написано: для всех стран!».

Да, многое изменилось и в мире, и в сегодняшней России, в том числе и у нас появились люди, у которых теперь не один паспорт и, по логике вещей, видимо, не одна родина. Только родина ли это?

Да, наученные горьким опытом, слова«отчизна» и «долг»

мы произносим с меньшим пафосом, но от этого они не перестали обозначать для большинства наших соотечественников, даже совсем молодых (это показала акция «Бессмертный полк») того, что и всегда обозначали. И страшно представить, что было бы с нами, и 75 лет назад, и в более поздних наших испытаниях, если бы не было у наших воинов за душой, в сокровенном уголке их сердца, родительского дома, любящих глаз матери, умелых и сильных рук отца, любимых учителей, «заветной скамьи у ворот» и «той самой березки, что во поле, под ветром склоняясь, растет», – то есть всего, что и называется «родина», и составляет сакральную единственность того, что никогда никем и ничем из души нашей не изъять.И только это (а не холодные корочки паспорта) и греет, и поддерживает человека в самых сложных обстоятельствах. Только это формирует в человеке гражданина, с его чувством ответственности, долга и ничем не замутненной памяти о подвигах отцов.

И тут никак нельзя не согласиться со словами прямолинейного приятеля главного героя романа – Самсонова, что «без ответственности перед прошлым настоящее – лживый рай».

Как несколько наивные и подлежащие определенному сомнению в новом времени рассматриваются представителями западного мира и категории нормального и ненормального, исключающие, стало быть, честность судопроизводства.

А уж о чистоте любви и говорить не приходится. Вот как

своё представление о ней излагает Дицман:

– «Любовь в современном мире лишена ложных предрассудков, и свободной цивилизацией опрокинуты ложные сигналы „стоп“, эти, пожалуй, архаичные запреты, которые сковывали свободу человеческих чувств между ним и ею, или… между ним и ним, или ею и ею… Каждый свободен в выборе партнера».

Советский писатель Никитин уже имеет представление об этом: накануне побывав в одном из «интим-баров», он был сражен «унизительной оголенностью» намерений его посетителей, «кем-то узаконенных, обыденных в своей простоте» и шокирующих впервые такой бар посещающих людей.

И потому писатель не сомневается в своём ответе на вопрос Дицмана:

«– Видите ли вы в сексуальной проблеме непристойность?»,

«– Когда насилуют и извращают саму природу, она заболевает и гибнет, и вместе с ней, конечно, человек. А это уже страшнее, чем заражение химическими отходами биосферы…».

Диалог главного редактора немецкого книгоиздательства Дицмана и советского писателя Никитина заканчивается важнейшими вопросами и для времени 70-ых годов, и для дня сегодняшнего.

«– Испытываете ли вы прежнюю ненависть к немцам как

к нации, которая воевала против России?».

«– Нет, не нахожу. Я не испытываю ненависти к немецкой нации, как вы сказали, потому что всякий национализм – последнее прибежище подлеца. Народ никогда не виноват. Но наши взаимоотношения не раз замутнялись кровью. И я всё время помню, что в последней четырехлетней войне Россия потеряла двадцать миллионов, а Германия – восемь миллионов человек. Это страшные, невиданные в истории потери». [1]

«– В шестом веке, господин Никитин, от легочной чумы погибло сто миллионов человек».

«– В вашей фразе есть оттенок успокоительного сравнения. Однако те люди шестого века погибли не оттого, что стреляли друг в друга».

Ах, если бы почаще напоминали об этом амбициозным водителям нашего сегодняшнего, многое забывшего или много не знающего (?) неспокойного мира.

Говоря о творчестве русского писателя, Дицман убеждённо настаивает:

«– И, тем не менее, вы больше пессимист, чем оптимист. В ваших книгах нет умиления».

«– Вы чересчур категоричны насчет пессимизма. Вы не правы, я оптимист. Мне всё время кажется, что ключ от истины лежит в ящике моего письменного стола. Писание романа – это терпение и мучительный путь к цели. И всё то-

[1] по уточненным данным – более двадцати семи миллионов

гда наполнено смыслом. До следующей книги».

Поиск истины, выстроенной на правде, и всегда наполняющее произведение смысловое содержание – вот творческое кредо Вадима Никитина и стоящего за ним и восхищающего искусством творческого воплощения сложнейших вещей, много и нестандартно думающего русского писателя Юрия Васильевича Бондарева.

Вот почему сегодня, когда со времени написания романа прошло уже 45 лет, совершенно очевидно, что диалог Никитина и Дицмана о смысле человеческой жизни, о поиске истины, о пути к смысловому искусству при всей сложности и неоднозначности происходивших и происходящих событий остается чрезвычайно интересным, нужным, важным.

И – незаконченным…

Конечно, роман не исчерпывается темой войны и политического противостояния Запада и России. Он и о неостановимом для всякого серьёзного писателя поиске истины.

Почему невозможно забыть лейтенанта Андрея Княжко, с белым платком в руке ступающего по майской траве к особняку с немцами?

Для чего поистине божественная красота мира, открывшаяся герою романа в сибирской тайге, так неожиданно и жестоко разрушена, расстреляна вместе с прекрасными белочками, радостно ожидавшими восхода солнца?

Почему вообще так легко сломать «великую и хрупкую целесообразность земли»?

Взять чужую боль на себя – как это? Это вина перед чужой болью, попытка ее уменьшить? И не в этом ли самое человечное, самое существенное, что в нас есть, в чем и проявляется божественная суть человека?

Для чего произошла встреча Никитина с Эммой?

Почему пребывание в Германии двух писателей-друзей разрушила их дружбу?

Бесконечные мучительные вопросы Никитина самому себе.

И нет исчерпывающего ответа ни на один этот вопрос. Есть только неустанное движение писателя, а вместе с ним и читателя навстречу всем заложенным в эти вопросы смыслам, движение к заветному берегу безусловной истины, любви и надежды.

Читая роман «Берег», эту удивительную книгу о войне и о последующей жизни, которая, к сожалению, не становится проще и легче, ловишь себя на том, что надо многими возникающими при чтении мыслями, поверх них, всплывает, какое-то необъяснимое, пробивающее содержание даже самых тяжких, самых горестных страниц чувство, сравнимое разве с умиротворением? Казалось бы, откуда оно в такой серьёзнейшей книге? Мне представляется, всё идет от автора, от удивительной гармонии писательского чувства, рожденного большим напряжением душевного поиска, глубиной честной мысли и чистотой внутреннего состава самого писателя.

И ещё, думается, многое в творчестве Юрия Бондарева идет и от того, что в жизни его случились люди, встреченные им на войне. Ведь совсем не случайно, что конец войны главный герой романа «Берег» будет вспоминать с большой теплотой, как особенное и даже счастливое время своей жизни.

И не только потому, что война подходила к концу, цвели яблони, и пришла любовь, а ещё и потому, что в том, невероятно трудном времени были удивительные люди, и был Андрей Княжко. Присутствие таких людей в человеческом сообществе накладывает на всё особый отпечаток, придает всему смысл и особую цену. Когда такие есть – всё оправдано. Такие люди – идеал, на абсолютной необходимости которого в человеческой жизни, по крайней мере, в русском миропонимании настаивал Лев Толстой: «Идеал – вот путеводная звезда. Без нее нет твердого направления, а нет направления – нет жизни». Думается, что память о таких людях и об объединявшей их великой цели, каждый раз поднимая планку возможного, немало способствовала тому, чтобы в авторе романа утвердилось именно то, что сделало его большим и уважаемым человеком и писателем даже в среде яростных идеологических противников.

Пожалуй, трудно сказать наверняка, откуда пошло, думается, неслучайное сравнение человеческой жизни с рекой. И если жизнь наша – река, то у нее должны быть, не могут не быть берега. Осознавал ли прекрасный русский писатель Юрий Васильевич Бондарев всё значение, которое он вкла-

дывал в название своего романа «Берег»? Возможно тогда, в 70-ых, он задумывал произведение прежде всего о смысле человеческой жизни, о необходимости в ней заветного берега как высокой мечты о достойной цели своего пребывания на земле. Именно к такой высокой цели своей жизни устремлены главные герои его романа.

Но вот прошли десятилетия, и наступившие времена вносят в название романа новые смысловые оттенки. Берег – ещё и от слова «беречь», оберегать», в рассматриваемом же случае оберегать реку нашей жизни, сохранять ее, являя собой преграду всему портящему чистоту и устойчивость живительной влаги. Объявленная Западом пресловутая «свобода» всё духовно- нравственные табу отменяет, все смысловые берега человеческого присутствия на земле размывает, превращая полноводную, радующую глаз реку нашей жизни в болото. Может ли нормальный и ответственный человек это допустить?

После развала СССР, в период нашего мучительного переосмысления своего советского прошлого, в годы глухого бессилия перед почти всё перекрывшими душными западными «ценностями», нетрудно было отчаяться и впасть в уныние. Но время показывает, что спор Запада и Востока о правых и виноватых, о победителях и побежденных, о том, во что верить современному человеку, куда идти, далеко не окончен. И роман Юрия Васильевича Бондарева – мощное подспорье в поиске истины и правды.

Ведь ещё тогда, в 70-ых, его вполне преуспевающей героине госпоже Герберт, так полюбился почему-то Навон – красивая и тихая площадь в Риме.

В интернете читаем: «Каждый, кому удалось здесь побывать, отмечает необычную и величественную атмосферу этого места, его живописность и умиротворенность». Это площадь ушедшего навсегда старинного покоя, где всё твердо стоит на своих незыблемых местах.

И нетрудно почувствовать за любовью к этому месту страшную тоску умной, тонко чувствующей женщины по тому желанному устойчивому покою, который дарует только чистая человеческая жизнь с ее предсказуемыми и честными правилами. Об этом мечтала и мечтает, думается, не одна она.

Слово «берег» означает ещё и покой, некую абсолютную (в которой не может быть сомнения) надежность и незыблемость.

Роман Юрия Васильевича Бондарева «Берег» о вечной и, думается, самой достойной мечте человека – выстроить жизнь, в которой были бы высокие, красивые и надежно защищающие ее берега.

«Всё, что случилось, было – с нами,
Мы с этим жили и росли.
Октябрь – и слом, и гром, – и знамя,
Что до рейхстага донесли».

О книге Владимира Васильевича Карпова «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира»

«Чтобы лишить народ исторического будущего, нужно так или иначе лишить его «зрячего прошлого» – накоплений исторического и культурного опыта».

В. Н. Кузнецов

Наша стремительная жизнь, сложная, полная тревог и потерь, всё-таки одаривает нас иногда, может быть, лучшим из того, на что она способна, – встречей с особенным человеком. Такой человек как подарок миру, как яркая солнечная вспышка, озаряющая собой все, к чему ни прикоснется, высвечивающая в окружающей жизни то, чего мы часто, в суете повседневности не замечаем. Такой солнечной личностью стал для многих людей, знавших его, наш земляк, разведчик и писатель, Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов.

Нечасто можно встретить человека, внешняя красота которого так естественно, так гармонично соединялась бы с красотой внутренней и так отражалась, так светилась бы

в его творчестве. И главное, ключевое слово, которым я обозначила бы всё, связанное с творчеством и личностью Владимира Карпова – это «гармония».

Не всякий, даже очень глубокий писатель может говорить со своим читателем так, чтобы это соответствовало уровню его творчества. Владимир Карпов это умел. Его слово завораживало. Впечатление усиливалось, думается, ещё и тем, что, достигнув самых больших высот в своей жизни, этот человек не «забронзовел», ни на йоту не зазнался, а, напротив, сохранил в себе главное – отзывчивую, горячую душу и открытость своему читателю. Он был ясен, прост и доступен доступностью умного, много повидавшего и мудрого человека. Такими же умными и ясными были и его книги. Одна из них – «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира».

Читать документальную литературу о войне, даже давно прошедшей, нелегко. Но вот передо мной книга Владимира Васильевича Карпова «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира», прочитав которую, ещё раз убедилась: хорошая, талантливая книга трудной не бывает. Для тех же, кому дорого всё то, что называется Россией, кто болеет загадкой ее тяжелейшей судьбы, книга не просто интересна, но и необходима.

«Тема книги, – пишет автор, – дела военные, выделенные из других тем и проблем XX века». За лаконичностью определения задачи – целая эпоха, эпоха, в которой живет

его главный герой. Посудите сами: гражданская война, 20-е, 30-е годы, репрессии, дело Тухачевского, Халкин-Гол, секретные протоколы Сталина и Гитлера, война с Финляндией, пакт Молотова и Риббентропа, предвоенные годы, и, наконец, война, тяжелейшие ее этапы с 22-го июня по декабрь 1941 года. И за каждой страницей – масса фактов, которые нужно было ещё добыть, не единожды проверить и ввести в ткань произведения возможно лучшим образом. Это требует скрупулезной работы писателя – исследователя.

Как мне представляется, мастерство писателя-документалиста прежде всего в том, чтобы об известном факте рассказать по-своему, при этом убедительно и интересно. Казалось бы, сколько всего в последние годы было опубликовано о времени репрессий и о Сталине, (книг высочайшего эмоционального накала), после которых нас, кажется, нас уже ничем и не пронять. Но вот перед нами книга Владимира Карпова: ничего личностного, никаких эмоций, беспристрастные, часто суровые факты и четкий, очень взвешенный комментарий к ним. Но писательский талант, соединенный с талантом личности автора, захватывает и заставляет переживать – больно, остро, с замиранием сердца.

Многие факты психологически очень тяжелы, сознание иногда просто отказываться воспринимать их. Но после этого не отбрасываешь книгу в сторону, напротив, хочется читать ещё и ещё. Тяжесть впечатления от тяжелой конкретики уравновешивается высокой светлой энергетикой автора, его

слов, за которыми сила правды. Это и есть талант личности.

Повествование отличает большая информационная насыщенность. Чего стоит только глава «Дело Тухачевского». О трагической судьбе Михаила Тухачевского известно достаточно много. Но в книге Владимира Карпова узнаешь и о том, какую роль в этом (и, надо думать, во всем том, что послужило уничтожению лучших военных кадров в нашей стране накануне страшной войны), сыграли немецкие спецслужбы.

Книга проливает свет на то многое в истории страны, что долгое время, по крайней мере, для людей неискушенных, представляло загадку. Например, почему, если сказать мягко, так не просты отношения России с народами Прибалтики, Польши. Книга Владимира Карпова раскрывает сложнейшие обстоятельства наших межгосударственных отношений с этими странами и многое помогает понять. Это тяжелое, горькое понимание, но оно необходимо для правдивого видения своей истории.

По-военному строг и лаконичен язык книги. Но за этим нельзя не ощутить очень ответственного, умного и доброго человека. Доброта, как и всякое сложное понятие, бывает разной. Доброта Владимира Карпова – это не желание быть добреньким, любой ценой пожалеть и оправдать своих героев, а каждый раз пропущенная через ум и сердце попытка, показав всю сложность, весь драматизм обстоятельств, в которых оказался человек, понять, почему он поступил так,

а не иначе.

Вот перед нами история генерала Николая Скоблина. Узнав, сколь неблаговидную роль сыграл этот человек в фальсификации дела Михаила Тухачевского, ничего, кроме острого неприятия поначалу не испытываешь. Но дальше идет размышление автора над судьбой Николая Скоблина. Талантливый царский офицер, честью своей считавший служение Отечеству. После революции – белоэмигрант. Поняв бесперспективность белого движения, принимает сторону Советской России. И не просто принимает, а хочет, очень хочет быть по-настоящему полезным. Это приводит его в органы ОГПУ, а затем делает участником одного из самых подлейших процессов XX века.

Автор не обвиняет, не злопыхательствует. Он грустит и сожалеет, давая читателю возможность разобраться. А после этого – да не замахнется рука, да не сорвется осудное слово. Несомненно, что труд Владимира Карпова – это книга многих неофициальных реабилитаций. Одно из самых тяжелых испытаний, которое может выпасть человеку – стать незаслуженно оклеветанным. Нет, кажется, ничего проще оболгать человека, а вот оправдать оклеветанного ой как непросто. Особенно если человек этот, что называется, на виду. И если кому-то удается вернуть хотя бы одному оклеветанному честное имя – низкий ему за это поклон. Владимир Карпов реабилитирует целую группу крупных военных командиров. Это и Михаил Тухачевский… (гордость

русской армии), это и генерал Кирилл Мерецков, это дважды герой Советского Союза летчик Яков Смушкевич, это и ряд видных военных руководителей, расстрелянных в запале бессилия и растерянности руководства страны летом 1941-го года.

Самая, пожалуй, «нашумевшая» фамилия в этом ряду – генерал Дмитрий Павлов. Это на его долю, на долю его армии выпал самый первый, самый страшный удар фашистских сил. И, пожалуй, ни на одно имя первого периода ВОВ не было обрушено столько гнева, сколько обвинений в предательстве, столько лжи и позора в последние дни его жизни, да и после смерти. Карпов не упоминает хулителей. Он рассказывает о профессиональном пути Дмитрия Павлова, о его редких военных способностях и талантах, о его жизни, которая вся – служение отечеству. Без натуги и ломания копий он убеждает в том, что в тот момент и в тех обстоятельствах поступить иначе, чем поступил Павлов, и нельзя было. Дорогого стоит это мужественное желание писателя разобраться в трудной правде произошедшего.

Говоря о силе такой правды, хочется отметить ещё одно обстоятельство. О чём бы ни шла речь, всегда прослеживается мысль автора о том, что ответственность за всю громаду политических проблем, заблуждений, а иногда и исторических преступлений несёт на своих плечах, в первую очередь, простой человек, на войне – рядовой российский солдат. Почти лирической россыпью разбросаны по документальной

книге размышления о негромких, нигде запротоколированных подвигах многих и многих, так называемых простых людей, которые, не крича и не бия себя в грудь, просто любили свою землю и делали всё, чтобы ее отстоять.

Но всё вышесказанное – это то историческое пространство, в котором живет главный герой книги, маршал Георгий Константинович Жуков.

О Георгии Жукове написано много и по-разному. Тем не менее, нет ощущения полноты личности этого человека. В газетно-журнальных публикациях о нём прошлых лет подход к образу часто был пафосно-патриотическим, пьедестальным.

Что делает в своей книге Владимир Карпов? Он подходит к осмыслению этой сложной неординарной фигуры через время. Сначала подается эпоха – необычная, драматичнейшая, в которой и маленьким, далеким от большой политики людям, устоять было очень нелегко. И вдруг человек, который оказался не просто на виду у времени, а в самом эпицентре событий. И человек этот не просто устоял, он стал победителем сложнейших обстоятельств, победителем важнейших сражений в самой страшной войне XX века. При этом автор не боится говорить всей правды о герое, его ошибках, метаниях, не скрывает моментов, когда тот мог «закусить удила». Но это не умаляет мощного впечатления, производимого личностью маршала.

Книга Владимира Васильевича Карпова очень нужна

современному читателю, особенно молодому. Мы живем в эпоху навязанной нам извне, так называемой переоценки ценностей. Никакая «переоценка» не отменяет законов совести. Демократия, воспринимаемая как вседозволенность, хуже всякой лжи, всякой цензуры. Появляются книг и фильмы и по так называемой «новой» истории России, которые, пороча самое святое, всё переворачивают с ног на голову. Это очень тревожит. Будем бдительны! Будем честны перед памятью наших отцов и дедов. Будем искать опоры и защиты в источниках правдосбережения нашей истории. Один из таких источников – книги нашего выдающегося земляка Владимира Васильевича Карпова.

Золотник неразгаданный (О рассказах Василия Макаровича Шукшина)

«Откуда берутся такие таланты? От щедрот народных.

Живут на земле русские люди – и вот избирают одного.

Он за всех будет говорить – он памятлив народной памятью, мудр народной мудростью».

В. М. Шукшин

Рассказать о Василии Макаровиче Шукшине честно и всерьез – значит взглянуть на него через призму того, что стало главным его земным делом – через его творчество. Оно значительно, многогранно и емко. Рассказать о писателе Шукшине – значит осмыслить заложенные в его произведениях знания, опыт и мысли о человеке и жизни, свидетелем которой он был. Я хочу сказать свое слово о его рассказах и надеюсь, что это хоть в малой степени пополнит правду о человеке, который так умел любить родную землю и родных людей.

Творчество Василия Макаровича Шукшина – выдающаяся страница в истории русской литературы советского периода. Это самобытное детище так называемой «деревен-

ской прозы», это яркая составляющая той праведной русской литературы, которая, по словам литературоведа Геннадия Красникова, «становится сегодня единственно совестливой и честной летописью».

Главная тема рассказов Василия Шукшина – человек из русской глубинки середины 20-го века. Время стремительно стирает память о, казалось бы, недавнем прошлом, и, к сожалению, истинное часто заменяется совсем не безобидными выдумками. В видении современных авторов расплодившихся телесериалов о деревне нынешние сельские жители – это некие выдернутые из контекста подлинной жизни, до невероятия надуманные люди с примитивными чувствами и желаниями. Более того, в сериалах этих налицо душок снисходительно-высокомерного подтрунивания над русским человеком из деревни при абсолютном незнании и непонимании истинного положения вещей. Да истинное как раз и ненужно, чтобы в очередной раз, походя мазнув грязью (деревня!), состряпать очередную незамысловатую телеисторию.

И совсем иначе, в не сопоставимой с нынешними фантазиями о деревне параллели видятся сельские жители из русской глубинки Василия Макаровича Шукшина. Писатель вырос среди таких людей, он сам – их частичка, и потому глубоко их чувствовал, понимал, любил и жалел, до боли сердечной.

Из этой-то боли, соединенной с неутолимой жаждой к зна-

ниям, и великолепного таланта и выросло то, что объединено коротким, но так много вмещающим в себя и таким родным для каждого, знакомого с творчеством писателя человека, понятием – «ШУКШИН».

Герои Василия Шукшина ворвались в русскую советскую литературу, разрушив все каноны соцреализма о так называемом положительном герое как о безукоризненно образцовом человеке. Герои Шукшина не вычерчены по красивому лекалу, отнюдь не идеальны, ничем не приукрашены, а взяты писателем из самой гущи провинциальной русской жизни. Они просты и абсолютно естественны, но это не только не снижает их «положительности», а напротив, делает их понятными, симпатичными и убедительно жизненными.

И потому так живописна, так ложится к душе его бабка Маланья из рассказа «Сельские жители». Эта простая русская женщина не умела даже писать, но сумела вырастить сына-героя и так умно, так строго-заботливо (как испокон веков и заведено было у добрых русских людей) воспитывает внука. Удивляешься, как здравый смысл бабки Маланьи, ее неизменный житейский прагматизм уживаются в ней с наивной, почти детской доверчивостью к тому, что говорят более «знающие» люди. Чуть лукавая улыбка доброго любящего взгляда автора пронизывает рассказ, который невозможно читать без смеха до слез, до ощущения живого прикосновения к живым людям.

Предельная правдивость, острый глаз, чуткое сердце

и особенное мастерство слова – вот что составляет силу шукшинских рассказов. Убедительная выразительность подачи образа, когда нельзя не верить, что вот только так и мог говорить, так поступать тот или иной его персонаж. И даже самым придирчивым оком не обнаружить в его произведениях никакой надуманной сцены или фразы. И поступки, и речи его героев, и весь состав писательской фразы (в которой ни слова лишнего) – всё каждый раз предельно убедительно и каждый раз нацелено на глубинный смысл, который надо ещё разглядеть. Всегда небольшой объем рассказа и при этом всегда такая ощутимая полнота очень непростой человеческой жизни – вот великолепное искусство Василия Шукшина. И потому при всей простоте сюжета рассказы писателя замечательно интересны и, перечитывая их, каждый раз открываешь в них что-то новое, неожиданное, не замеченное ранее.

Произведения Василия Шукшина ломают ложное, надуманное представление о русском человеке как о существе темном, грубом или простовато – дураковатом. Пашка Колокольников (сценарий к х\ф «Живет такой парень») на первый взгляд и в самом деле простой, веселый, немного бесшабашный, но сколько при этом серьёзного всматривания в жизнь, сколько настойчивого стремления быть лучше, значительнее, сколько не сразу открывающейся доброты к людям и способности, когда нужно, на серьёзный поступок.

Неизменный, наполняющий жизнь многообразием оттен-

ков и смыслов, всё расставляющий по своим местам и всегда спасительный юмор является великолепной составляющей почти всех рассказов писателя. Но странно дело: читаешь, смеешься до слез, а потом вдруг вырастает за этим смехом что-то непоправимо грустное. Как, например, в рассказе о Чудике из одноименного рассказа. Почти беспрерывно хохочешь над нелепицами, в которые попадает этот герой, а в конце рассказа вдруг так защемит сердце об этом наивно-чистом и добром человеке, которому так непросто жить в набирающей жесткие обороты жизни среди «продвинутых» и оборотистых людей.

Не перестаешь удивляться многообразию таких его «чудиков», их спрятанной за внешней простотой глубине. На первый взгляд, они и в самом деле чудаковатые, наивные, даже нелепые. Ну ни странно ли в самом деле главе семьи, где так трудно экономится каждая копейка, потратить целую зарплату на покупку микроскопа (рассказ «Микроскоп»), чтобы, оказывается, с его помощью – ни много ни мало – спасти человечество от болезней. И не наивно ли для 39-летнего человека, приехать в гости к брату и, чтобы порадовать норовистую сноху, раскрасить в отсутствие хозяев детскую коляску акварельными красками (рассказ «Чудик»). Или, например, как ветфельдшер Козулин (рассказ «Даешь сердце!»), среди ночи разбудить спящее село громкими выстрелами, салютуя таким образом победе медиков в Кейптауне, осуществивших первую пересадку человеческого серд-

ца.

Читаешь, смеешься и душевно согреваешься. Ведь столько человеческой теплоты за всеми этими «странными» поступками, столько участия к окружающим людям, столько драгоценного умения каждого из этих героев проживать не впустую, не только для себя. Находясь в далекой провинции, герои Шукшина, подобно Броньке Пупкову (рассказ «Миль пардон, мадам!») с его сногсшибательной байкой о «покушении на Гитлера», мечтают о больших делах, сильных чувствах, о незряшности своей жизни.

Сельских жителей писателя определяет не место, не время, не профессия, а то, что можно назвать их внутренним составом. Непростота, неординарность простого человека из русской глубинки – вот что можно выделить как стержневое в творческой задаче писателя. Поиск героями серьёзного дела и большого смысла, поиск веры и правды, любви и добра, как это зачастую непросто.

«… хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную высшую силу, которая всё это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что эта сила – победит. Иначе – для чего всё? А? Где такая сила?» – спрашивает поп из рассказа «Верую!». В рассказе нет готовых ответов, но то, как этот поп размышляет о серьезнейших вопросах бытия, не может не восхитить дерзостной глубиной проникновения в тему.

Загадка человеческого характера, настойчивое желание

приблизиться к её тайне, к пониманию того, из чего что произрастает – вот над чем бьется всегда напряженная мысль писателя.

Пронизывающий сердце рассказ «Земляки». Он о как бы нечаянной встрече и незамысловатой беседе двух стариков. Но с первой и до последней строчки рассказ держит читателя в каком-то необъяснимом внутреннем напряжении. Истолько в нём скрытого драматизма, столько участия к судьбе этих стариков, что заканчиваешь чтение и долго не можешь унять тревогу. Но писатель далек от того, чтобы показать жизнь своих героев как скорбную. Да она такой и не была. Потому что она – Жизнь (!), полная великой тайны и «непосильной красоты», на которую, к сожалению, в привычной торопливости не всегда успевает человек налюбоваться.

«Тут сам не поймешь: зачем дана была эта непосильная красота? Что с ней было делать?.. Ведь чего и жалко-то: прошел мимо- торопился, не глядел. А выйдешь на свет – и уж жалко своей же грусти, кажется, вот только вошло в душу что-то предрассветно-тихое, нежное; но возрадуешься, понесешь, чтобы и впредь тоже радоваться, и – нет, думы всякие сбивают, забываешь радоваться».

В рассказе «Земляки» не утоляемое временем восхищение красотой родной земли и сожаление, что человек в бесконечной суете своей мало умеет ей радоваться, мало задумывается и часто только в старости с особой силой оценивает.

«Стариковское дело – спокойно думать о смерти. И тогда-то и открывается человеку вся сокрытая, изумительная, вечная красота Жизни. Кто-то хочет, чтобы человек напоследок с болью насытился ею. И ушел. И уходят. И тихим медленным звоном, как звенят теплые удила усталых коней, отдают шаги уходящих. Хорошо, мучительно хорошо было жить. Не уходил бы!».

Как же надо было любить жизнь, как чувствовать красоту земли и живущего рядом человека, чтобы, будучи ещё молодым, так писать об этом. Именно этот рассказ задает тон размышлениям писателя о таких важнейших категориях, как жизнь и смерть. В рассказе «Залетный» читаем: «… человек – это… нечаянная, прекрасная, мучительная попытка Природы осознать самое себя. Бесплодная, уверяю вас, потому что в природе вместе со мной живет геморрой. Смерть!.. и она неизбежна, и мы ни-ког-да этого не поймем».

Об этом и рассказ «Думы», в котором звуки ночной, не дающей уснуть гармошки, рождают у председателя колхоза Матвея Рязанцева неожиданные воспоминания о своём прошлом. Его тревожат мысли о том, а что же была его жизнь, и было ли в ней то, ради чего стоило жить? «Но как вспомнится та черная оглушительная ночь, когда он летел на коне, так сердце и сожмет – тревожно и сладко. Нет, что-то есть в жизни, чего-то ужасно жалко. До слез жалко…».

Поиск правды, размышление о том, как она непроста эта правда – вот предмет особой заботы сельских жителей Васи-

лия Шукшина. Правдой ли является то, что выдает за правду по сути равнодушный к людям Макар Жеребцов (рассказ «Непротивленец Макар Жеребцов»). И нужна ли жестокая правда Павла из рассказа «Капроновая елочка»? И за какую такую правду бьется так дотошно, так искренне, до слез, дед Ермолай из одноименного рассказа? Для него правда, то есть честность человеческих слов и ответственных поступков – это то, без чего жить просто нельзя, невозможно. Без такой правды всё теряет смысл. И потому он буквально до слез страдает, когда видит, что мальчишки, сколько дед Ермолай их ни умолял, так и не сознаются в своём обмане.

«Теперь, много-много лет спустя, когда я бываю дома и прихожу на кладбище помянуть покойных родных, я вижу на одном кресте: «Емельянов Ермолай …ич». «Емельянов Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминаю, стою над могилой. Думаю. И дума моя о нём простая: вечный был труженик, добрый честный человек. Как, впрочем, всё тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что был в этом, в их жизни какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или не было никакого смысла, а была одна работа, работа… Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей… вовсе не лодырей, нет, но… свою жизнь они понимают иначе. Да сам я её понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее?».

Думается, писатель с годами, конечно же, ответил на этот вопрос. А если не успел, ответило время. Жизнь осиротела, скукожилась без таких людей, без их правды и, потеряв несущие опоры, стала такой ненадежной.

Интересен, любопытен и при всей внешней простоте совсем не прост русский человек из сибирской глубинки Василия Шукшина. И то, что видится снаружи (внешность, одежда, профессия, материальная обеспеченность) почти никак его не характеризует, а, главное, практически не важно для него самого.

Казалось бы, ну что такого особенного можно разглядеть в ничем с виду не примечательном Алеше из рассказа «Алёша Бесконвойный». Пастух, скотник, кочегар, у которого пятеро малолетних детей и при этом никем неотменимая установка – в субботу не работать. Пять дней он – безотказный и добросовестный труженик. Суббота – для себя.

«Что же он делал в субботу? В субботу он топил баню. Всё. Больше ничего. Накалял баню, мылся и начинал париться. Парился, как ненормальный, как паровоз, по пять часов парился». Про баню, длинною в день, читать как-то даже не очень хочется. Но рассказ, конечно же, не про баню. Она здесь только фон, хотя написан этот «фон» с таким знанием дела, с такими занимательными подробностями и с такой любовью, что можно было бы с полным правом сделать к рассказу подзаголовок «Искусство топить и мыться в бане». Но это для любителей бань. Рассказ – то об Алеше «Бес-

конвойном», о насущной его потребности отрешиться на какое-то время от ежедневной суеты и сутолоки и, раскрепостив в теплом уединении тело и душу, подумать. О чём? О важном: о жизни и смерти, о странностях любви, о всегда волнующей красоте родной природы за околицей, о детях, о будущем. И размышления его так интересны, так нетривиальны, что жалеешь, когда рассказ заканчивается. А прозвище односельчан «Бесконвойный», как это часто и бывает у русских сельских жителей, совершенно справедливо, потому, что «конвойным», то есть управляемым он быть никак не желает. Скотник – это внешнее, видимое со стороны, а внутри – полная разнообразных мыслей и глубоких чувств жизнь души. И потому банный день для него – день для души, без которой как же жить русскому человеку?

И как же жить ему без русской народной песни? В творчестве Василия Шукшина такой песне всегда особое место и почет. И рассказ «В воскресенье мать- старушка» как раз о том, что в талантливо исполняемой русской песне – голос народной души, ее полет. Такая песня – высшее проявление самого сокровенного, глубинного, что эту душу составляет.

Ещё один простой- непростой герой Шукшина – Семка Рысь, «забулдыга, непревзойденный столяр» из рассказа «Мастер».

«– У тебя же золотые руки!» – скажут ему. «Ты бы мог знаешь как жить!… «Ты бы как сыр в масле катался…».

«– А я не хочу как сыр в масле. Склизко».

Семке совсем не интересно работать, чтобы только заработать побольше. Ему интересно другое. Заприметил он в трех верстах от родной деревни маленькую, явно старого времени церковку, и стал приходить сюда, чтобы полюбоваться: «И стоит в зелени белая красавица – столько лет стоит! – Много- много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали ее дожди, заносили снега… Но вот стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители её, давно распалась в прах та умная голова, что задумала ее такой, есть земля, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чём же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величал или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь – там заметят. Этого заботило что-то другое – красота, что-ли? Как песню спел человек, и спел хорошо».

И Сёмкина душа заболела прелестью этой церковки, и руки его талантливые захотели такой желанной для себя работы – поддержать и сохранить эту необыкновенную разрушающуюся красоту. Жаль только, что чиновников, от которых зависело дело, волновала не красота, не радость людская, не гордость за русского Мастера, а формальности, которые закрывали доступ к финансированию. Как это всё грустно, и как бесконечно жаль и людей, и Мастера, и Семку, с его душой и талантом.

Но для такого честного художника, как Шукшин, было бы не вполне оправданно писать о сплошь особенных людях, наполняющих сибирскую глубинку. Живут в ней и другие, например, трусовато-подловатый Наум Кречетов (рассказ «Волки») или бесчестно проживший свою жизнь Тимофей Худяков (рассказ «Билетик на второй сеанс»), который к старости вдруг так захотел получить шанс на вторую жизнь, чтобы прожить ее по-новому.

Рассказ «Беседы при ясной луне» о том, как в тихом осторожном и незаметном по жизни конторщике Николае Баеве к 63-ем годам, что называется, «…взыграло ретивое – теперь как-то это стало неопасно, и он запоздало, но упорно повел дело к тому, что он – редкого ума человек». И ночные беседы Баева со сторожихой Марьей Селезневой – это почти сплошь похвальные монологи Николая заслугам своего «необыкновенного» ума. И опять-таки исподволь, тонко, с чувством неизменной иронии автор раскрывает Баева как элементарного приспособленца и плута, всю-то жизнь заботившегося исключительно о себе любимом. И только случай выявляет его абсолютное ничтожество.

Любовь, думается, наиболее трудная, наиболее уязвимая тема в творчестве любого писателя. Любовь любая: к земле, к природе, к женщине. Уж очень здесь трудно не сфальшивить. А у Шукшина и тут при всей простоте обстоятельств глубина правды и чистоты.

Как, например, объяснить сколько-нибудь рациональному

человеку, зачем Степан Воеводин из рассказа «Степка» сбежал из мест заключения незадолго до освобождения. И даже милиционер возмущен и недоумевает:

«– Зачем ты это сделал-то?».

«– Сбежал-то? А вот – пройтись разок… Соскучился».

«– Так ведь три месяца осталось! – почти закричал участковый.

– А теперь ещё пару лет накинут».

«– Ничего… я теперь подкрепился. Теперь можно сидеть. А то меня сны замучили – каждую ночь деревня снится… Хорошо у нас весной, верно?».

О чём этот рассказ? О неразумном Степке? О нём. Но не о его неумении поступать «по уму», а насквозь – о его любви, той самой, всегда, безрассудной, какой только и может быть неподдельная любовь: и к родительскому дому, и к отцу-матери, и к сестре, и к неухоженной, но такой родной своей улице. Голым рассудком он жить не умеет и не хочет, потому что главное в Степке – любовь, жизнь сердца.

И немного, думаю, найдется в русской литературе произведений о материнской любви, которые могли бы встать в один ряд с рассказом Василия Шукшина «Материнское сердце». Читаешь и какая-то оглушительная, ни с чем не сравнимая боль матери за сына, попавшего в беду, перехватывает дыхание, а помочь нельзя. И потому при внешней обыденности обстоятельств рассказ потрясает.

Любовь, когда она подлинная, чувство не всегда радост-

ное, а подчас и трагическое. В рассказе «Осень» нет цветов и романтических встреч. Но от первых строк и до последних он весь пронизан большим и сильным чувством главного героя, по молодой глупости потерявшего свою, как оказалось, единственную любовь.

И только смерть любимой женщины обнаружила, что всё в его жизни имело смысл, потому что она, «его Марья», жила на этом свете. Тяжкий рассказ, горький. Но вот ведь искусство писателя: заканчиваешь чтение и вдруг обнаруживаешь, что несмотря ни на что, не только не осуждаешь героя, не только сочувствуешь ему, но и поневоле восхищаешься тем, что так можно любить.

А как симпатичен молодой юрист Ваганов из рассказа «Страдания молодого Ваганова». И снова дивишься мастерству автора, который так незаметно, так умно подводит своего героя к тому, что сумел он и обманутому Попову помочь, и при всей своей безоглядной влюбленности разобраться в своих отношениях с Майей.

Открытость чувств, их искренность и полная самоотдача в отношении к любимому человеку по принципу – любить так любить, страдать так страдать – характеризует героев писателя настолько, что, потеряв любимую женщину, можно и пальцы себе отрубить (рассказ «Беспалый»), или, как кандидат наук Михаил Егоров, защищая оскорбленное достоинство, не побояться тяжелых кулаков и расплющить противника нравственно в умопомрачительной словесной перепал-

ке (рассказ «Привет Сивому!»).

Абсолютная погруженность писателя в создаваемый образ, и каждый раз передающаяся читателю теплота, сердечность и сострадание к нему автора. Чтобы так писать, нужна доброта самого пишущего, не громкая, не на показ, а умная и действенная, как в рассказе «Горе». И потому получается у Василия Шукшина не просто создать правдивый образ человека, но и пожалеть его: пожалеть Чудика, у которого несомненно ещё так много впереди болячек, пожалеть трудно проживших и разделенных обстоятельствами братьев (рассказ «Земляки»), пожалеть красивую одинокую Нюру (рассказ «Капроновая елочка»), пожалеть мать, которой помочь нельзя. Всегда пожалеть (!) – вот Шукшин.

Читаем и от рассказа к рассказу вырастает перед нами простой русский человек из сибирской глубинки: всегда очень естественный, всегда думающий, стремящийся наполнить свою жизнь какими-то достойными делами, честный, добрый, умеющий любить, гордый. Иногда чудаковатый. Но ведь если вдуматься, чудачество от слова «чудный», «чудо», то есть нечто необычное, редкое.

Думается, важнейшая (при многих других) заслуга писателя Василия Макаровича Шукшина именно в том и состоит, что герои его, очень простые, очень земные и каждый раз – особенные. В каждом – своя изюминка, в каждом проявляется и просит действия что-то удивительное, редкое, дарованное свыше и даруемое, наверное, для чего-то. Для че-

го?

Хорошо бы нам, соотечественникам писателя, живущем уже в веке 21-ом, задуматься над этим вопросом, как, впрочем, и над другими непростыми вопросами, так или иначе заданными писателем.

Невозможно рассказать о шукшинских рассказах обычными словами. Подлинное писательское мастерство незаменимо словом со стороны. Но можно вновь перечитать его произведения, вновь порадоваться и вновь ощутить, как всегда пытлива мысль писателя, как глубока его боль за русского человека, за непростоту русской судьбы, что свойственно только писателям – провидцам. И просится сказать про Василия Макаровича его же словами: прожил, «как песню спел человек, и спел хорошо. И ушел. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа».Живая, чуткая, умная душа человеческая – как это много… И как же важно понимать и беречь то, о чём эта душа просила.

Хорошо помню: когда писателя не стало, я тогда студентка оренбургского пединститута, не имевшая ещё должного представления о его творчестве, ощутила, что и мои преподаватели, и соседи по дому, и знакомые, и я сама восприняли произошедшее, как большую и дорогую сердцу потерю. Помню пронзительные слова о Шукшине Александра Чаковского в «Литературной газете», точно выразившие чувства тех, кто не знал писателя лично, но ощущал сердцем. И только со временем стала я осознавать по-настоящему всю ве-

личину утраченного. По мере понимания росло и моё желание побывать в Сростках, поклониться родине писателя, положить цветы к его памятнику. А поскольку это не осуществимо, пусть эти мои впечатления о его творчестве станут такими цветами к памятнику человека, жизнь и творчество которого считаю предметом русской гордости и русского достоинства.

Пусть же ничто земное не наложит тень на его доброе имя.

Об оренбургских писателях

Подчеркивая значение творчества талантливых авторов из российской глубинки, известный литературовед Виктор Шкловский писал: «Всякая подлинная литература растет краем, растет в известном смысле из „сора“. „Край жизни“ сообщает редкую свежесть, остроту и силу всхожести всем былым истинным впечатлениям жизни». Считаю творчество талантливых оренбургских писателей и поэтов таким благодатным и животворным «краем» подлинной русской литературы, выставляющей надежный духовный щит сегодняшнему околокультурному мракобесию и настойчиво отстаивающей нетленность заветов русских классиков: духовного света, совести, милосердия и сострадания. И четверть века существования нашего краевого журнала «Гостиный Дворъ» подтверждает это.

Сердечно благодарю моё поколение оренбургских писателей, о которых написала, за то, что они участвовали в моей жизни: учили меня, помогали прозревать душе, наполняли жизнь радостью и смыслом.

Журналу «Гостиный Дворъ» – 25 лет!»

«Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите во имя прекрасного,
Против течения!»
А. К. Толстой

Оренбургскому региональному литературно-художественному и общественно-политическому журналу «Гостиный Дворъ» 25 лет! Прекрасный возраст молодости и силы: период становления пройден, но главный путь – впереди. И какой бы ни был возраст, юбилей – это всегда время осмысления задуманного и пройденного.

Журнал «Гостиный Дворъ» вырос из одноименного альманаха, задуманного как литературное издание, противостоящее наплыву обрушившейся на нас после развала СССР ужасающей лжи, духовно-нравственного опустошения, оскорбительного умаления нашего героического прошлого. Весной 1995-го года с легкой руки много одаренного человека и поэта Игоря Бехтерева, автора проекта и первого главного редактора, вышел в свет первый номер задуманного издания.

Свои непростые задачи альманах определил «Заповед-

ным Словом русскому народу» Алексея Ремизова. Как высоко, проникновенно, почти молитвенно были обозначены цели.

«…Горе тебе, русский народ! Твоё царство прахом пошло. Все народы нахмурились, тускло глядят – никто не верит тебе… Ноги изранены от острых камней, истёрлось железо, а ты идёшь – ты идёшь, светя путь своим светом —

– подвиг и вера

– подвиг и любовь

– Помолись, несчастная мать Россия!

Подымись, стань, моя Русь… Припади запёкшимися губами к холодному камню, поцелуй её, оскорблённую, поруганную тобою землю и, встав, подыми ярмо своё и иди…».

Читаешь это прикипающее к сердцу воззвание и не веришь, что написано оно более ста лет назад, а, кажется, вчера, потому как ещё более «нахмурились» все народы, даже не единожды нами спасенные. Но призыв к подвигу веры и любви важен, думается, для России любой, для всякого ее времени. Идут годы, и мы вроде бы, многое уже поняли про себя, а до подлинного царствия духа нашего ещё так неопределимо далеко. Может, потому, что мало в нас и той веры, к которой взывает Алексей Ремизов, и способности к подвигу, и истинной любви. Но, несомненно, есть движение к этому, трудное и долгое.

И 25 лет успешного существования оренбургского альманаха (теперь журнала) подтверждают это. И потому остается

надежда, что одолеем всё и, «светя путь своим светом», выйдем-таки на твердую дорогу. Ведь есть у нас такой надежный и неизменный помощник – великое русское Слово. Пойдем за ним, потому что есть куда идти и есть кому звать. Кому? Тому, кто любит Россию, болеет за нее и умеет неподдельно искренне и правдиво сказать о ней. Ведь как говорит Евангелие, «Из всех исцелений истинное дарует тот, кто исцеляет словом».

«Первое дело культуры – заставить и научить нас быть людьми», – написал в своей работе « Крушение культуры» ученый и философ Сергей Кара – Мурза. Когда есть человек, есть личность как производное подлинной культуры, всё преодолимо. Но как быть сегодня, когда обстоятельства и внутри Отечества нашего, и снаружи всё более усложняются, а взыскательная,к человеку культура (требующая усилий мысли и совести) оттеснена, отторгнута представителями преуспевающего литературного бизнеса как нечто маловостребованное.

Единственный путь – противостояние еще более настойчивое и наращивание культуры, выросшей на подлинных, выстраданных ценностях нашего исторического пути и нашей веры. Писатель и поэт Владимир Одноралов уже в первом выпуске альманаха написал: «Наша история – это пот великих трудов, кровь героев, слезы сирот и вдов, горние высоты духа подвижников и просветителей». Отступить от этого – значит встать на бесчестный предательский путь.

И присутствие в сегодняшней нашей жизни честной, глубокой, напрягающей совесть литературы оренбургских авторов дает надежду на сохранение в отечественной культуре главной, по выражению Федора Абрамова, «статьи ее экспорта – духовного хлеба, духовных ценностей».

Оренбургские (а теперь уже и не только оренбургские) писатели, авторы журнала «Гостиный Дворъ», продолжают сохранять верность изначально избранному курсу, идя по тернистому пути той Правды, о силе которой говорил Александр Невский.

И греет душу, что у писателей наших есть замечательная трибуна для такого достойного просветительства – литературно-художественный и общественно-политический журнал «Гостиный Дворъ».

«…духовную основательность и мужественность гражданской позиции» авторов журнала в сравнении с материалами ряда центральных, некогда ведущих литературно-художественных и общественно-политических столичных журналов» подчеркивает в своём мнении о «Гостином Дворе» замечательный писатель из города Электросталь Василий Киляков.

Вот уже 12 лет журнал возглавляет Наталья Юрьевна Кожевникова, «нежнейший наш поэт» и замечательно зарекомендовавший себя главный редактор. В первую очередь ее усилиями расширились литературные границы издания, увеличился его творческий потенциал, создана крепкая коман-

да единомышленников редакционного совета. Наталья Кожевникова умеет вести и направлять, сдруживать и объединять талантливых, отстаивающих честное слово и правое дело людей. И потому совсем не случайно недавний альманах приобрел совершенно заслуженный им статус журнала. И вот уже четверть века это благодатное литературное издание живет, наполняя культурно – историческое пространство нашего края, а по большому счету, и России, светом разумного, доброго, вечного.

Не может не радовать, что журнал, выйдя из альманаха, сохранил свои классически обстоятельные рубрики, которые помогают многосторонне освятить и культурную жизнь области, и ее историю, и важнейшие общественно – политические проблемы.

Забота о судьбе Отечества, попытка разобраться в нарастающих проблемах России, которой приходится жить сегодня в непредсказуемо сложных политических реалиях – так можно обозначить главную задачу журнала «Гостиный Дворъ».

Осознавая всю сложность стоящих перед честным писательством задач, создатели журнала нередко прибегают к помощи выдающихся литературных авторитетов прошлого, используя их опыт как духовное завещание потомкам. Это видится уже в заставках к журналу. Заставки – это каждый раз точно найденный эпиграф к главной теме очередного выпуска, ее абсолютный по глубине лейтмотив.

Из многих замечательно найденных заставок хочется выделить как особенно значимое для дня сегодняшнего слово Ивана Аксакова «Отчего так нелегко живется в России» («Гостиный Дворъ» №48).

Писатель и философ, словно сегодня говоря о трудностях жизни в стране, видит причину этого не в отсутствии нужных реформ, не в недостаточности средств и способов успешного государственного устройства, а в нашем отступничестве от исторически заложенных в русское бытие основ духовно-нравственного порядка.

«Теперь именно наступило такое время, когда все нужнейшие внешние реформы совершены, необходимые средства – хлеб насущный, некоторая свобода слова – даны; можно было бы, успокоясь покуда на них, оглядеться назад, вникнуть глубже в свойства нашего внутреннего недуга, не уступающего покуда никакому врачеванию, и вместо того, чтоб растрачивать наши силы вовне, ***обратить их внутрь себя, на работу самопознания и на подвиг нравственного возрождения».***

Иван Аксаков отрицает пользу копирования пусть самых передовых западных образцов: «Всё это вредно уже потому, что упраздняет серьёзный труд самопознания, ставит на ходули, обольщает лживою надеждою на лёгкое исцеление, которого эти общественные деятели, какие бы ни придумывали средства, не дадут и дать не могут: зло не в отсутствии средств, а в нас самих, в нравственных типических условиях

нашей среды».

Так видеть, так глубинно понимать, что у нас есть и что необходимо делать для блага России, может только ее истинный патриот и гражданин.

Хватит ли у нас, сегодняшних, сил, чтобы, обратив их «внутрь себя», наладить прочный путь к нравственному возрождению?

Должно хватить. Потому что наше героическое прошлое, наши добытые невероятной ценой победы не позволяют нам отступиться от духовных приоритетов наших отцов и дедов.

Два грандиозных для России исторических события: 200-летие победы в Отечественной войне 1812 года и 70-летие победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов стали поводом для появления в альманахе «Гостиный Дворъ» целого ряда ярких произведений как художественного, так и документального характера.

Это и наполненные глубоким патриотическим чувством многоговорящие исторические очерки Владимира Семенова, Павла Матвиевского, Вильяма Савельзона, Ольги Сгибневой, Александра Исковского («Гостиный Дворъ» №40—41).

Это множество других публикаций, посвященных Победе нашего народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов. И здесь просто невозможно кого-то выделить: каждая работа – самобытная лепта того или иного автора в летопись о небывалом народном подвиге.

Говоря о художественной прозе, военной тематики, хочется обратить внимание на перехватывающий дыхание рассказ Георгия Саталкина «Летом после войны» («Гостинный дворъ» №36). В рассказе нет уже самой войны, но в нём есть потрясающая читателя неизбывность причиненного войной, огромного, живого, ничем незалечимого страдания главного героя Константина Рубанова. Переполнившись в неурочный час, оно буквально разрывает ему сердце.

Тяжелейший труд послевоенного поколения, поднимавшего страну из руин, невозможно забыть, немыслимо предать. Этому посвящены многие проникновенные работы наших писателей.

Благословенным светом неиссякаемой благодарной памяти о послевоенном поколении наполнены произведения «Родной угол» Георгия Саталкина, «Коммунариха» и «Энкавыдиха и Фетис» Сергея Фролова, «Колокола» и «Песня» Николая Волженцева и другие.

Ярким представителем этого поколения является, к примеру, главная героиня рассказа Сергея Фролова «Коммунариха». Беспросветным, с утра и до темна, трудом таких, как она, и поднималась страна. Тип человека, вне работы жить не умеющего, Коммунариха – образчик того лучшего, истинно нравственного, жертвенного, на чём во все времена держалась русская жизнь.

Осмысливая пройденный альманахом (журналом) путь, хочется пожелать ему главного – побольше талантливых ав-

торов и хороших и разных читателей. Ведь так важно всегда, а особенно сегодня, так это обогатило бы и качественно наполнило нашу жизнь, если бы побольше читателей узнали, почувствовали и порадовалось бы редкому сегодня дару «изумительной словесной художественности» Георгия Саталкина, разделили бы с ним чувство его неизменного сострадания к сегодняшним униженным и оскорбленным.

Хочется, чтобы заразились читатели любовью к родной земле, читая произведения Владимира Одноралова и Владимира Петрова, поразмыслили бы над проблемами, поднятыми в пробивающих совесть работах Владимира Пшеничникова и Сергея Бурдыгина.

Хочется, чтобы свет непреходящих духовных ценностей наших классиков, отраженный в многолетних добротных работах поэта и литературоведа Валерия Кузнецова, озарил бы жизнь новых поколений читателей журнала. И чтобы вместе с ним они, читая, например, его проникновенный очерк «Неведомый сын удивительных вольных племен», прониклись бы чувством Родины и Николая Рубцова, и самого автора.

Но за пытающимися быть спокойными строчками сдерживаемая напряжением всех усилий страшная материнская тоска. Всё в этом письме кричит, всё взывает: сыночек мой, как я боюсь за тебя и как я тоскую! Как хотела бы я оказаться рядом и закрыть тебя ото всех бед! Но она не может позволить себе даже намекнуть на то, как ей тяжело. Она должна

всё выдержать , чтобы он выдержал . Всё её письмо – образец материнской любви. *здесь там*

В повести «Пастух и пастушка» удивительное, каждой клеточкой сознания прочувствованное писателем горе матери, пославшей на войну своего единственного сына, и такая непримиримость к роковой невозможности матерей поступить иначе.

Хочется, чтобы читатели журнала замерли и поплакали бы над написанными болью сердечной пронзительно-печальными страницами произведений Сергея Фролова.

Чтобы удивились они творческой силе и разнообразию произведений всегда неординарного Павла Рыкова.

Чтобы вместе с Иваном Конновым вспомнили непреходящую красоту и силу русской песни.

А как бы порадовало многих и многих знакомство с яркими, полными острой мысли и изящной иронии произведениями светлой памяти Александра Филиппова.

И, конечно, важно, чтобы серьёзно задумались читающие журнал и над словами главного редактора газеты «День литературы», известного критика и литературоведа Владимира Бондаренко о нашем Петре Краснове:

«Где-нибудь, в какой-нибудь малой европейской стране, он бы давно ценим был, как национальное достояние».

Судьба России, причины глубокого русского ненастья – важнейшая тема в творчестве многих талантливых авторов «Гостиного Двора». Скажу только о некоторых результатах

предъюбилейного десятилетия.

Они обогатили отечественную литературу такими глобальными и удивительно талантливыми романами об истории Отечества нашего, как «Заполье» Петра Краснова, как «Аномальная зона» Александра Филиппова, как частично (к сожалению) опубликованный роман Георгия Саталкина «Падение». Разные по своему характеру, языку и стилю эти произведения поражают глубиной проникновения в тему и помогают читателю осмыслить путь, пройденный нашей страной в 20-ом веке, увидеть всю неоднозначность, всю боль произошедшей драмы. Но лучше всего о цели этих произведений скажет писатель: события эти «стремительно застилаются воздухом времени» и потому надо успеть рассказать свою правду о них».

Эта «…отлетающая эпоха была ни на что не похожа, была фантастической в самом даже угрюмом и заземленном реализме своём и в чём-то, быть может, совершенно безумная: в смысле потуг, в смысле попыток дать ответ на главный, неотступно идущий за человечеством вопрос – вопрос разрешения грандиознейшей задачи , – и завершившийся так странно, так обыденно, так легко и просто, словно пошлый и глупый анекдот какой-то. ***всеобщего счастья, всеобщей любви и правды***

Великую цель человечества сковырнули, как засохшую болячку» *(Георгий Саталкин «Падение»).*

Особой заслугой руководителя журнала и его редакцион-

ного совета считаю взыскательный вкус и содержательную наполненность при составлении поэтических страниц. Большой удачей является присутствие на этих страницах страстных, всегда будоражащих сознание стихов Дианы Кан.

Высокая планка, изначально заданная в альманахе оренбургскими мастерами поэтического слова Надеждой Емельяновой, Анатолием Тепляшиным, Валерием Кузнецовым, Антониной Мелешко, Александром Цирлинсоном, поэзией доброй памяти Юрия Орябинского – продолжают сохраняться. И сегодня трудно представить наш журнал без наполненных теплотой патриотического чувства стихов Виталия Молчанова, без пристально вдумчивого и доброго взглядом на все окружающее поэзии Владимира Шадрина, без волнующего разнообразия стихов Павла Рыкова и, конечно, без изящных, волшебно-воздушных стихов Натальи Кожевниковой.

Всех не перечесть, но каждому автору хочется сказать «спасибо» за великолепную способность – подниматься над землёй и оценивать происходящее на ней с не для всех доступной высоты.

Только нежный и любящий взгляд способен увидеть родную землю, например, такой:

А рубрика «Стихи по кругу» предоставляет редкую сегодня возможность познакомиться с творчеством поэтов «больших» и «малых», маститых и только начинающих. Многоцветным, согревающим сердце кружевом стелются

эти стихи рядом с самыми строгими страницами журнала, и радуют, и утешают читателя, и заставляют задуматься.

Замечательно наполнило смысловое поле нашего журнала, расцветило многообразием свежих красок и рубрика «Наша гостиная».

Несомненной заслугой его главного редактора является и добытая для читателей возможность познакомиться с творчеством великолепных авторов из разных уголков не только в самой России, но и за её пределами. Настоящей удачей для серьёзного читателя считаю появление на страницах «Гостиного Двора» высокопрофессиональных, наполненных заботой о сохранении в русской культуре и в русской жизни непреходящих нравственных ценностей произведений Валерия Михайлова из Казахстана, Василия Килякова из города Электросталь, Веры Галактионовой из Москвы, Виктора Брюховецкого из поселка Кузьмоловского Ленинградской области и, конечно, критика Вячеслава Лютого из Воронежа и ряда других авторов.

Так, представленные в «Гостином Дворе» главы из книг Валерия Михайлова «Один меж небом и землёй» (о М.Ю.Лермонтове) и « Иволга, леса отшельница» (о Н.А.Заболоцком) – это не только великолепное воплощение обликов поэтических русских гениев, но и, согретая теплотой авторского чувства и переданная читателю восхищенность их творческой уникальностью, мощью дарованного им слова и сокрушенность их трагической судьбой.

Читая книги Валерия Михайлова, по-новому видишь, казалось бы известных тебе поэтов и чувствуешь, как становятся они по сути родными людьми, о потере которых неизбывно болит душа.

Запомнились, легли на душу и две недавно опубликованные замечательные повести наших гостей: Сергея Пылева «Матушка» и Александра Громова «Жара». Разные по сюжету и манере изложения, они объединены всё более входящей в нашу литературу и, несомненно, необходимой сегодняшнему читателю темой веры и вероисповедания.

И если жизнь героев в повести «Матушка» – это выпадающий из общего, привычного нам жизнеустройства островок истинной веры, тепла и любви, то повесть «Жара» интересна и в высшей степени поучительна, в первую очередь, для тех, в ком ещё нет твердой веры, но кто пытается вникнуть в её мир или хоть как-то приблизиться к нему.

В связи с обозначенной темой веры хочется напомнить и рассказ нашего Николая Волженцева «Колокола» («Гостинный дворъ» №41). Это ведь не просто воспоминание. Это из сердца излитая дивная благодарственная песнь автора Жизни, Богу, Земле, где родился, и, конечно, людям, преданным своей Вере.

Все три вышеназванные художественные произведения в первую очередь о душе человеческой, о ее вечном поиске. Содержательно, именно духовно к ним примыкают и документальные публикации наших оренбургских авторов: Вла-

димира Баклыкова («Великий молитвенник») и Павла Рыкова («Научение добру»), посвященные Владыке Леонтию в альманахе №42. Вот только малые выдержки из них: «… его деятельность здесь, в этом мире, – пишет Владимир Баклыков, – была одной долгой молитвой обо всех грешных, оступившихся, не помнящих своих корней людях».

«К Богу надо прийти, а не заставлять себя верить, – напоминает слова пастыря Павел Рыков, – на сердце человеческое благотворно действуют проповеди, церковные песнопения и чтение церковных книг…».

«Захочешь добра – посыпь серебра». «В ком добра нет, в том и правды мало».

Как бы то ни было, все эти произведения, приобщая читателя к высшему, горнему миру, напоминают о том, что в сражении Добра и Зла участвует не только Слово и Дело, но и подлинная Вера.

Радуют сердце, просветляют разум и проза, и поэтические страницы «Нашей гостиной». Глубоким раздумьем о судьбе России, о сложности переживаемых ею сегодня проблем, о вечной схватке добра и зла в мире и, конечно, о радости творчества и любви наполнены великолепно талантливые стихи Владимира Шемшученко из Всеволожска, Светланы Сырневой Кирова, Нины Ягодинцевой из Челябинска, Александра Кердана из Екатеринбурга, Геннадия Емкина из Сарова, Марины Саввиных из Красноярска, Александра Нестругина из Воронежа.

Такое творчество – убедительное свидетельство того, что не иссякло талантливое русское слово и что душа человеческая крылата и хочет Света, Смысла и Любви. Но лучше всего об этих авторах скажет само их слово.

Каждый раз, просветляя душу, открывает для читателей что-то неожиданно новое рубрика «Культурный слой» «Гостиного Двора», знакомя с тем или иным представителем большой культуры.

Настоящими берегинями культурно-исторического прошлого нашего края стали профессора ОГПУ: доктор физико-математических наук Галина Павловна Матвиевская и доктор педагогических наук Алла Георгиевна Прокофьева. Герои их очерков – писатели и поэты, губернаторы и исследователи – все те, кто оставил свой яркий след в жизни нашего края. Целая галерея таких скрупулезно выверенных, написанных безупречным русским языком работ этих двух замечательных просветителей составляют совершенно уникальное полотно культурно-исторического наследия Оренбуржья.

Трудно не заметить и не оценить публикации в этой рубрике поэта и журналиста Надежды Емельяновой. Их отличает честность позиции, обстоятельность и мастерство изложения, пристальность взгляда в судьбу героя своего очерка и неизменное сопереживание обстоятельствам его жизни.

Её работы: будь то очерк «Кто видел смерть в лицо, тот знает цену жизни» (о региональном союзе защитников Оте-

чества «Держава») или «То ангел-хранитель, то музы спасали от бед» (о прославленной нашей землячке, медсестре Елене Абрамовне Прусаковой), знакомят нас с необыкновенно интересными людьми и настоящими защитниками Отечества.

Самозабвенной любовью к изобразительному искусству, к творчеству того или иного своего героя, восхитительным знанием предмета дышат регулярные в журнале работы оренбургского искусствоведа Лидии Медведевой. После чтения ее всегда замечательно эмоциональных очерков совсем по-другому видишь и понимаешь художника, о котором она пишет.

Работы искусствоведа Ирины Бушухиной, посвященные искусству оренбургского пухового платка, не просто интересны, но каждый раз изумляют глубиной проникновения в тему и любовью автора к избранному делу. Каждая её работа – словно новый тонкий рисунок на очередном пуховом изделии. Творчество искусствоведа – без преувеличения гимн оренбургскому пуховязальному делу.

Рубрика «Казачья линия» давно и прочно заняла своё заслуженное место на страницах журнала, укрепляя его патриотические и человеческие основания. Среди художественных произведений о казаках, нельзя не назвать имя уральского писателя Александра Ялфимова. Его роман «Атаман Барбоша» – это кусочек такой яркой, именно «казачьей» истории, что просто «ах!». В жизнь его героев впадаешь,

как в крутой водоворот. Язык писателя, сочный, полнокровный – явление эксклюзивное, которому поражаешься не меньше, чем остроте занимательного сюжета. И греет душу, что не перевелись на русской земле настоящие казаки, свято бдящие свой язык и свои славные традиции.

Читателю, который хочет почувствовать всю глубину произошедшей с казачеством драмы, увидеть настоящих героев казачьего племени хочется посоветовать прочесть роман самобытного автора и светлого человека Ивана Веневцева «Урал – быстра река» в обработке Валерия Кузнецова.

А регулярные документальные исследования Владимира Семенова и целый ряд самых разнообразных работ других авторов пополнят представление об уникальном мире оренбургского казачества, который при всей трагичности своей судьбы восхищает патриотическим чувством его представителей, завораживает самостийностью взгляда на что бы то ни было, богатством языка и подлинной русской красотой.

Актуальнейшие экологические проблемы освящает рубрика журнала «Заповедная зона». Хочется отметить как особенно интересные для всех, любящих природу, публикации глав из двух книг: «Радующие сердце» Татьяны Белозеровой («Гостинный дворъ» №35 – о грибном царстве Оренбургского края) и «И помнит бор спасенный» Самигуллы Баймурзина («Гостинный дворъ» №40 – о сохранении уникальных красот Бузулукского бора).

Регулярные публикации Александра Чибилёва и ряда

других авторов с их неравнодушием и профессиональным взглядом на вещи помимо экологического просветительства приобщают читателей к удивительному миру оренбургской природы.

Так, в девятом выпуске журнала Александр Чибилёв с неизменной своей заботой о природе, в частности о сохранении уникальной красоты наших степей, пишет: «…Очень важно, чтобы исследователи степей наших дней сохранили трепетное отношение к этому уникальному ландшафту. Чтобы в процессе познания динамики и природного разнообразия степей, при оценке их природных ресурсов, естествоиспытатели сохранили эстетическое восприятие этого динамичного, непредсказуемого и очень уязвимого ландшафта нашей планеты».

Приятно отметить, как качественно подросла и литература талантливой оренбургской молодежи. Вместе со своими старшими товарищами достойно отстаивают честь оренбургской литературы наши молодые поэты: Полина Пороль, Анна Терентьева, Сергей Макаров, Елена Левченко, Любовь Сухарева, Дарья Прилепина, Елизавета Курдикова.

Их стихи – это взгляд на наш мир умных и рано повзрослевших детей.

Без малейшего романтического флера, столь свойственного молодым, по-взрослому встревоженные видением глубоких проблем, они осторожно нащупывают приемлемые для себя и нравственно оправданные точки опоры в насту-

пающей взрослой жизни.

Особо хочется поблагодарить молодых прозаиков, в частности, Екатерину Ермолаеву, Ирину Родионову и Оксану Васильеву из Новотроицка, Елену Сурин из Орска – за верность нравственной традиции журнала «Гостиный Дворъ», за их человеческое неравнодушие и смелость в освещении сложнейших жизненных проблем.

Несомненно, все эти молодые литераторы, – большие молодцы, являющие собой нашу надежду на сохранение и в будущем высокой планки оренбургской литературы.

Забота о судьбе России – это в первую очередь, забота о её будущем.

Не нуждается в подтверждении та простая истина, что всё, что мы, взрослые, делаем в своей жизни, мы делаем прежде всего для своих детей. В них не только наше продолжение, но и наше оправдание, наша надежда и, по большому счету, судьба страны. Это тот самый случай, когда что бы ни происходило, мы, в самом деле, за ценой не постоим, не имеем права.

И потому как об особой заслуге создателей «Гостиного Двора» хотелось бы сказать о такой замечательной и насущно важной их задумке, как учреждение детского варианта издания, а именно «Гостиного Дворика», первый номер которого вышел в 2011 году.

Хорошо понимая важность работы с детьми, создатели «Гостиного Дворика» вложили в выпуск первых, содержа-

тельно блестящих его выпусков и свои знания, и большой опыт, и огромную теплоту души. Одни только названия рубрик: « Свете Тихий», «Живой мир», «Капитанская дочка», «Светелка», «Дерево сказок», – говорят о многом. А представленные в них материалы обнаруживают заботу их создателей о том, чтобы сегодняшние дети знали историю своего оренбургского края, гордились бы своими предками, продолжали бы традицию веры своих отцов и дедов, чутко относились бы к миру природы, стремились к высоким целям и просто любили бы мир за окном. Чтобы, как в полном светлых чувств стихотворении Анны Вологиной (МОБУ СОШ №35):

Как же это всё важно!

В формировании достойной человеческой личности (главном локомотиве любого общественного движения) первостепенно важным является то, какие люди встают уже в раннем детстве на пути ребенка: кто они такие, чему они учат, куда ведут. Вне всяких сомнений в труднейшем этом деле нужны умные, ответственные и добрые поводыри. И журнал «Гостиный Дворик» с его нравственными установками и заботой о качественном наполнении его страниц, вне всяких сомнений, мог бы стать одним из них.

И потому мучительно трудно согласиться с прекращением выпусков столь благодатного и нужного сегодня детского издания.

Нельзя не сказать и о яркой, требующей серьёзного куль-

турно-политического багажа, высокой эрудиции, внутренней отваги во взгляде на происходящее, публицистике журнала.

Регулярные публицистические работы Петра Краснова, откликаясь на все, сколько-нибудь значимые проблемы дня сегодняшнего, стали для читателя совершенно необходимым культурно-политическим просветительством.

Хочется напомнить его мысли из актуальнейшей сегодня его работы «Еврофашизм против России» (альманах «Гостинный дворъ» №50) где, говоря о непредсказуемо изменившейся политической ситуации, автор подчёркивает: «… холодная война против нашей страны не только не ушла в прошлое, но обрела за последние 20 лет новое политическое и информационное измерение, которое по своей интенсивности вполне заслуживает определения очередного „дранг нах Остен“ – „натиска на Восток“. И прежде всего это касается пересмотра политиками и пропагандой Запада итогов Второй мировой войны – пересмотра преступного и в нравственном, и в политическом отношении», – пишет Петр Краснов.

Писатель убеждён «…политическая Европа решила „отмыться“ от своих кровавых грехов – опять за счёт России. Ждать от неё исторической благодарности нам, избавившим её от „нового средневековья“, никак не приходится, конечно; но поражает её подлость, коварство, отсутствие даже намёка на какое-либо благородство, для „сохранения лица“ хо-

тя бы…».

Как ни печально это признавать, а приходится: мы, действительно, проигрываем сегодня тем, кто, пользуясь нашими ошибками и заблуждениями, поднял свои трусливо спрятанные после войны головы и метит ударить побольней. И ударяет. Как это могло случиться? И где искать силы для достойного отпора?

Ответы на эти непростые вопросы ищут все, кто неравнодушен к судьбе России, ищут и многие авторы журнала «Гостиный Дворъ». Так, Георгий Саталкин в своей пьесе «Сражение», настаивая на необходимости бдительности, словами своего героя предупреждает: «Мы думали, война кончится и наступит совсем другая жизнь. Какая? А другая! Но я уже давно понял: война, лейтенант, она никогда не кончается и жизнь другою никогда не будет. Нигде! Никогда! Сражение идёт везде, по всем фронтам».

О необходимости и важности такого сражения в сфере культуры напоминает журнал и словом Николая Бердяева: «Не в политике и экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности…».

Будем помнить об этих высоких целях, наложенных на подлинную культуру, как и о том, что сражение идет – по всем фронтам. И авторы журнала «Гостиный Дворъ» – прямые участники такого сражения за честное, ответственное, сохраняющее высокую планку традиций русской лите-

ратуры слово.

Поздравляя журнал с юбилеем, хочется подчеркнуть, что сегодня «Гостиный Дворъ» – уникальная визитная карточка культурной жизни Оренбуржья, наша заслуженная гордость наряду с оренбургским газом и не утратившим свои позиции в мире пуховым платком.

Пожелаем его создателям и всем его авторам здоровья, радости творчества и не убывающей удачи в том, чтобы приблизить облик той России, о которой написала Диана Кан:

«Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,

«Прости, земля, за варварство и боль,
Что терпишь ты последние полвека.
О, как жестока алчность человека!»
С журавлями в холодной дали…
Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!».

«Печальники и воины славянства!
В дни осквернённых свергнутых знамен,
Во дни раздрая, смуты, окаянства

Спасает евразийское пространство
Сиянье ваших солнечных имен.
Покуда незаметно в небе солнце
И льет на землю царственный покой
То лишь ленивый всуе не смеется
Над вашею божественной тоской.
Но в дни затменья да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч,
Орленое распахнутое знамя,
Неспешная Аксаковская речь.
Не из гордыни и не для забавы
Над бездной, даже падши, воспарим…
Славяне, обреченные на славу
Исконным славным именем своим».

«На заре берёзы, будто свечи,
Листья златоцветные зажгли.
Улетая, созывают вече,
Клича в поднебесье, журавли.

Как узнать: ликуют иль рыдают
По тому, что ждёт их вдалеке.
Иль молитву чудную читают
На своём журавьем языке».

Павел Рыков

«В охрой обернувшейся сурьме —

Очертанья дальнего села.
Чудо проступает на холме,
Где сверкают храма купола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.